

ЭССЕ О ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ДОКУМЕНТА

Лазарев, Владимир Станиславович

Белорусский национальный технический университет, научная библиотека, Минск, Беларусь

vslazarev@bntu.by ; vlas0071@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена терминологическая путаница, связанная с наименованиями свойств научных документов, отображаемых фактом их цитируемости. В очередной раз аргументируется утверждение, что непосредственно цитируемость научных документов отражает их использование, которое, в свою очередь, отражает их *ценность*. Необходимость продолжения соответствующей полемики и усиления аргументации вызваны тем, что очень многие авторитетные специалисты либо не ассоциируют цитируемость с ценностью, либо безразличны к вопросу о свойстве документов, отображаемых цитируемостью (будучи при этом озабочены «совершенствованием индикаторов», отображающих неназванное ими свойство), либо смешивают ценность документа с его качеством. Более того, существует авторитетная точка зрения (напр., Bornmann & Daniel, 2008; Tahamtan & Bornmann, 2019), согласно которой использование – лишь один из факторов, вызывающих цитируемость научных документов; при этом обращения к документам считаются, напротив, рядом специалистов несомненным свидетельством их использования, в то время как в этом случае в действительности остается неизвестным, будет ли полный текст затребованного документа хотя бы бегло просмотрен пользователем. Эти вопросы получают в эссе свое критическое рассмотрение. Высказывается мнение, что путаница с понятием «использование документа» связано с невольным смешиванием его с традиционной библиотечной концепцией «использования фонда». Показано, как приятие к рассмотрению философского понятия ценности может внести еще больше путаницы в терминологию, используемую для обозначения свойства научного документа, отражаемого *par excellence* его цитируемостью. Критически проанализированы существующие в библиотековедении определения «ценности документа». Предпринимается попытка уточнения понятий и содержания терминов «ценность научного документа» и «использование научного документа».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

научный документ, ценность документа, качество документа, «воздействие» (“impact”), цитируемость, обращения к документам, использование документов, цитат-анализ, учет обращений к документам, библиометрическая оценка, экспертная оценка, философское понятие ценности, использование библиотечного фонда, ценность библиотечного фонда, терминологическая путаница

AN ESSAY ON THE VALUE OF A SCIENTIFIC DOCUMENT

Vladimir S. Lazarev

Belarusian National Technical University, Scientific Library. Minsk, Belarus

vslazarev@bntu.by ; vlas0071@gmail.com

RESUME

The confusion of terminology associated with the designations of the properties of scientific documents represented by their citedness is considered. Once again, the statement is argued that the citedness of scientific documents directly represents their use, which, in turn, represents their value. The need to continue the relevant polemic and strengthen the argumentation is caused by the fact that many authoritative experts either do not associate citedness with value, or are indifferent to the issue of the property of documents represented by citedness (being concerned about the “improvement of indicators” that represent a property that is not identified by them). Also, it is caused by the fact that many bibliometricians confuse value of the document with their quality. Moreover, there is an authoritative point of view (e.g., Bornmann & Daniel, 2008; Tahamtan & Bornmann, 2019) according to which the use is only one of the factors that cause citations to scientific documents; while just addressing to documents is considered by a number of experts, on the contrary, as an undoubted evidence of their use – though in this case, in actual fact, it remains unknown whether the full text of the addressed document would be at least briefly browsed by the user. The paper gives critical consideration to these issues. The opinion is expressed that a certain misunderstanding of the concept of “use of a document” is due to its involuntary confusion with the traditional library concept of “use of a library stock”. It is also shown that taking the philosophical notion of value for consideration can add even more confusion to the terminology used to denote the property of a scientific document represented by its citedness *par excellence*. The definitions of “document value” circulating in contemporary library science are critically analyzed. Accordingly, an attempt is being made by the author to clarify the concepts and content of the terms "value of a scientific document" and "use of a scientific document".

KEYWORDS:

scientific document, document value, document quality, "impact", citation, citedness, addressing to documents, use of documents, citation analysis, accounting of addressing to documents, bibliometric evaluation, expert (peer) assessment, philosophical notion of value, use of library stock, value of library stock, terminological confusion

Несколько предварительных замечаний

Формат изложения данного материала будет несколько более свободным, нежели в привычной научной статье. По убеждению автора, это сможет отчасти упростить восприятие предлагаемого текста, в чем-то оживив его. Конечно, если содержание материала вызовет читательское отторжение, то попытки автора привнести эмоциональность, могут лишь усилить его, – но даже и в этом случае могут, напротив, и привлечь какую-то часть читателей. Также автор считает, что избранный формат отчасти оправдан («спровоцирован») характером самого материала, в котором к очевидному, казалось бы (после того, как оно сформулировано!), определению приходится «продираться» через изобилие всякого рода путаницы и терминологической чехарды. Кстати, безуспешность авторских попыток борьбы с терминологической чехардой в наименовании свойств документов, акцентированно начатой им в 1996 году [1], также провоцирует его эмоциональность.

В эссе идет речь о *научном* документе. Какие-то моменты, связанные, к примеру, с обращениями к документам читателей, относимы, безусловно и к иным документам – художественным, техническим... Однако, они – вне интереса автора, и нигде в данном тексте им не рассматриваются. Термин же «документ» ниже практически везде (кроме дословного цитирования и специально оговоренных моментов) употребляется в значении «научный документ».

Засим – перехожу на употребление первого лица единственного числа.

Начну с трех коротких историй о терминологической чехарде...

...Однажды (не позже 90-х) я слушал очень интересный и сильный доклад в Белорусском университете культуры, но все-таки на несколько минут отвлекся, и «вернулся», когда мне показалась, что докладчик упомянул об «оценке ценности литературы» при формировании библиотечного фонда. Контекст фразы я прозевал; саму фразу толком не расслышал. Когда наступило время вопросов к докладчику, я честно признался, что не уловил один из его тезисов, и попросил повторить его. Оказалось, что речь шла об «опоре на христианские ценности», а не об «оценке ценности документов». Оказалось, что докладчик говорил о приложении к практической деятельности по формированию библиотечных фондов *философского понятия* «ценность», а вовсе не об оценке ценности документов как их *свойства*. Поскольку за одним и тем же термином в тезаурусах докладчика и слушателя скрывались разные объекты, получилось, что и я провалился с пониманием его идей, и он не понял моего вопроса. Повторяю: при этом и он, и я говорили о *ценности*. Но между свойством и философским понятием – «дистанция огромного размера»; во всяком случае, соответствующий фрагмент доклада не имел ничего общего с моими ожиданиями, хотя и он я

употребляли термин (в разных значениях) по существу в одном и том же контексте... Затем не раз и не два я сталкивался с тем, сколь дезориентирующими могут быть при беглом просмотре литературы во время поиска работ, посвященных оценке ценности научных документов, встречи с публикациями, посвященными ценности как философскому понятию – даже и без потерь концентрации внимания, как было со мной на той давней конференции.

Потерять ориентировку в понимании такого свойства, как ценность, применительно к документу можно и безо всякой оглядки на одноименное философское понятие и его определения. В этой связи привожу другое воспоминание – несколько иного рода. 2017 год. На авторитетнейшей международной конференции по наукометрии молодой увлеченный докладчик моделирует ситуацию, когда ряд работ «низкой ценности» цитируется обильно, а ряд работ «высокой ценности» – цитируется незначительно. Спрашиваю, как он понимает термин «ценность». Внятного ответа нет – докладчик говорит про «интуитивно понятное свойство, внутренне присущее публикациям» и даже то, что «ценность есть ценность»... В ответ привожу определение ценности информации («свойство <...>, определяемое её пригодностью к практическому использованию в различных областях человеческой деятельности для достижения определенной цели» [2, с. 464]); напоминаю, что поскольку вне документа, являющегося материальной формой фиксации информации, общество ей обладать не может [3, с. 102], это же определение применимо и к документу¹; и заявляю, что, если руководствоваться этим определением, то его ценность можно количественно оценить *только* по его использованию, а потому исходное допущение докладчика о высокой цитируемости (отражающей использование) малоценных работ вообще невозможно. Цитироваться

¹ В действительности *изначально* должно было говорить именно о *ценности документа*, поскольку по уровню именно его использования (ссылки делают на документы, а не на «информацию», заказы в интернете – как и в библиотеке – оформляют на документы, а не на информацию) выносят количественные суждения о ценности информации. Непосредственно же ценность именно информации можно было бы «измерить» лишь «забравшись в голову» пользователя документа. Ведь «понятие информации обязательно включает в себя личность познающего объекта. <...> Информация приобретает статус таковой лишь когда ее семантическая составляющая осознается, распознается кем-то в этом качестве» [4, с. 41]. «Вне субъекта ее некому воспринимать и иметь о ней хоть какое-нибудь представление» [4, с. 37]. При этом «бороться с некорректным употреблением слова «информация» бесперспективно – у языкового терминотворчества свои законы. Правильнее признать это слово, имея в виду его переносный смысл. К примеру, вместо строгого, но длинного словосочетания «система сигналов, которые субъект способен воспринять и осмыслить, т.е. превратить в информацию», удобнее прямо оперировать понятием «информация» [4, с. 58]. «При этом всегда надо иметь в виду, что фактически-то существуют все-таки именно знаки <...>; в информацию они превращаются лишь будучи восприняты и осмыслены объектом. Вот почему одна и та же знаковая система несет много информации для одного, для другого – мало, для третьего не несет вовсе, четвертый понимает ее неправильно и т.д.» [4, с. 59].

Как бы то ни было, но в «Словаре библиотечных терминов» [5], вышедшем на следующий год после издания цитированного мной словаря – где было бы естественным появиться определению «ценность документа» – нет определений ни ценности документа, ни ценности любого другого объекта, ни упоминания о свойствах документа, ни самого понятия «документ». Понятие «ценность документа» появится в библиотечных словарях много позже и будет рассмотрено в этом тексте ниже.

обильно могут работы не низкой ценности, а низкого *качества* (принципиально иное свойство, определяемое априорно, умозрительно – в отличие от апостериорной оценки ценности²), равно как и незначительно цитироваться (или не быть процитированными вовсе) могут работы высокого *качества* (а не ценности). Затем я процитировал по памяти, как сумел, и две моих соответствующих статьи в подтверждение данной мысли [1; 6]³... и в очередной раз удивился, как, изобретая и тестируя библиометрические индикаторы, столь многие мои коллеги не задаются ключевым вопросом об отображаемых ими *свойствах*⁴. Ведь и в этом докладе речь шла о возможностях использования библиометрических индикаторов, но природа отражаемого ими свойства, просто определение ценности (термина, используемого докладчиком для указания на оцениваемое свойство документа) докладчика вообще не волновали... Уже по возвращению с конференции домой, прочитал этот «задевший» меня доклад с флеш-накопителя, выданного при регистрации в качестве conference book, – и удивления прибавилось! Оказалось, что докладчик и его соавтор всё-таки думали об определении ценности, указав, что оцениваемое свойство они называют «ценностью статьи, и это свойство <по их мнению> может, в зависимости от предпочтений пользователя, пониматься, например, как качество, воздействие (impact), влияние, важность или полезность, или любая комбинация вышеперечисленного» [16, р. 2]. Однако, свидетельствуя о самом факте соответствующих размышлений, эта фраза, в общем-то, свидетельствует и о не очень большом их успехе: ведь в качестве возможных «толкований» ценности авторами названы другие – совершенно *разные* – свойства (см. некоторые их определения в [17, с. 5]) и их «любая комбинация». Не очень ясно, то ли они воспринимаются авторами [16] как

² О качестве будет конкретнее сказано в следующей сноске.

³ Где, в частности, на основании различных привлеченных определений утверждалось, что «качество познается достаточно абстрактно, вне процесса использования оцениваемого объекта или удовлетворения с его помощью конкретных потребностей и не в связи с этими процессами [7, р. 127], причем его познание сильно зависит от познающего субъекта [*Там же*] и осуществляется с помощью некоторых идеальных стандартов [8, р. 915], – тогда как ценность соотносится со стремлениями, потребностями, целями [7, р. 265], или желаниями [9, р. 606; 10, р. 990] человека, выгодностью или полезностью объекта для человека [10, р. 990; 11 р. 2018] и определяется не только его внутренней структурой объекта как таковой, но и тем фактом, что объект *вовлечен* в сферу социального бытия человека [12, с. 453]. Ценность познается в целом через владение объектами и их *использование* [9, р. 606]» [6, р. 274].

⁴ «Под свойствами мы понимаем общие атрибуты или характеристики <...>, которые мы стремимся охватить <...>. Под индикаторами же мы понимаем наблюдаемые величины, которые могут быть эмпирически и непосредственно зафиксированы (ссылки, количество авторов, количество дисциплин <...> и т.д.) и которые могут быть связаны со свойством с помощью теоретической модели» [13, р. 2]. Хотя эта формулировка относится к «свойствам исследований», она в принципе верна относительно свойств любого количественно изучаемого объекта. Так, по отношению к документу свойствами могут быть ценность, качество, полезность, важность и т.д.; по отношению к научному журналу ими могут быть ценность, продуктивность, качество, привлекательность... Возможно, приведенная формулировка не идеальна, но она интуитивно понятна и представляется достаточной для того, чтобы предотвратить непонимание этих вопросов. Уместно вспомнить и такую формулировку: индикаторами называют некоторые измеримые свойства объекта, которые используются для оценки других, непосредственно не измеряемых свойств [14, с. 42]. Безотносительно же к вопросам наукометрии свойство – это «то, что присуще какому-либо предмету» [15, с. 407].

возможные синонимы «ценности», то ли как её составляющие (поскольку речь идёт и о «комбинации вышперечисленного»), но в любом случае это неверно (напр., из приведенной в [17, с. 5] таблицы видно, что докладчики перечисляют действительно разные свойства). Однако, если речь идёт о возможных синонимах (а в ряду перечисленных имеется слово «качество»!), то тогда смоделированная ситуация с высокоцитируемыми работами «низкой ценности», которые обильно цитируются, вполне возможна: ведь речь, возможно, шла о работах низкого *качества*⁵... Но не успеваю примерить такое толкование, как меня оглушает заявление авторов о том, что, оказывается, рассуждение о высоком и низком цитировании низкоценных и высокоценных работ «не зависит от того, как именно концептуализируется значение <ценности>» [16, р. 2]⁶. «Тем не менее», – противоречат далее себе авторы, – «если ценность понимается как “использование статьи другими исследователями”, цитирования, вероятно, являются довольно точным показателем ценности, но если ценность понимается как “научная строгость”, цитирования, вероятно, менее точны» [Там же]. Оказывается, от «концептуализации значения» ценности все-таки многое зависит, а о различных возможных трактовках ценности авторы всё-таки думали... вот только “научная строгость” научных статей – это составляющая не их ценности, а *качества* [18, р. 70].

Вновь отказываюсь понимать, как можно изучать индикаторы, не сделав честной попытки разобраться с природой отображаемого свойства. Но в цитируемом тексте содержится свидетельство хотя бы попытки приблизиться к рассматриваемому вопросу. А в самом докладе и этого не было.

Любопытно, что на сайте конференции [19] именно данный доклад отсутствует. Как бы то ни было, когда в ходе написания этого эссе я заглянул в препринт, сокращенным вариантом которого данный доклад, как в нем указано [20, р. 1], является, я обнаружил, что доступен уже *третий* вариант этого препринта, – и этот третий вариант выложен уже не в 2017-м, а в 2021-м! Значит ли это, что размышления над проблемой продолжались годами? Если так, то прекрасно; однако, и в третьей версии, авторы не только вновь исходят из идеи, что ценность, это – «общее ненаблюдаемое понятие, которое, в зависимости от точного критерия, на основе которого мы хотим оценивать статьи, может, например, пониматься как качество, воздействие, влияние, важность или полезность» [20, р. 10], но и утверждают, что основа их исследования «не зависит от конкретного понимания человеком

⁵ Работы «низкого качества» собирают т.н. «отрицательные ссылки», когда стимулируют цитирующего автора, который при их обсуждении находит «новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему» [17, с. 12], новые, более сильные аргументы правоты своей точки зрения. Тогда возникает ситуация, когда некачественная работа имеет высокую ценность, что объективно и подтверждается ее цитируемостью. С этих позиций, «отрицательные ссылки» являются не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, как почти повсеместно считают, а, быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не обязательно качественных работ [Там же].

⁶ Но как корректно выбирать индикатор для оценки (что и пытаются делать авторы), если нет понимания самого предмета оценки?!

понятия ценности, и поэтому нет необходимости давать точное определение этому понятию». Вот это декларированное «отсутствие необходимости» уже похоже на полемический вызов: давайте-де изучать индикаторы, вообще не заботясь об отображаемом ими свойстве... Впрочем, так поступают очень многие, но при этом столь парадоксальная позиция обычно более или менее удачно скрывается за подбором слов, описывающих исследования, а не является демонстративной.

Этот пример показывает, во-первых, сколь произвольными, разнообразными и путанными могут быть трактовки понятия «ценность документа» даже в весьма «респектабельных» исследованиях⁷. Он же указывает на отсутствие в исследовательской области авторитетных определений, наличие которых сдерживало бы подобный разброс и подобные шатания: «ненаблюдаемым понятиям <речь идет о непосредственно ненаблюдаемых свойствах – *В.С.Л.*> обычно не хватает четкого и недвусмысленного определения. Например, понятия качества, воздействия и влияния понимаются разными людьми по-разному, что затрудняет согласование использования цитирований в качестве показателя любого из этих понятий» [20, р. 9–10]. Здесь не упомянута «ценность», но это относится и к «ценности». И об этом свидетельствует не только отношение к данному понятию докладчика, о котором я вспоминаю, но и то, что в единственном известном мне терминологическом словаре по библиометрии [21] нет словарной статьи, посвященной ценности документа (равно как и какого-либо иного объекта). Что же касается понятия «импакта» («воздействия»), то выполненный в [22] анализ его определений и трактовок, не позволяет утверждать, что в наукометрической литературе вообще существует строгое и/или общепринятое определение данного понятия – а ведь оно объявлено «ключевым понятием наукометрии» [23]. Не парадокс ли? Но удивляться, вероятно, не приходится: ведь выше только что был рассмотрен пример *принципиальной незаинтересованности* специалистов (в целом увлеченных, неравнодушных и ярких!) в самом поиске ответа на вопрос об «измеряемых» (точнее, *количественно оцениваемых*)⁸ свойствах документов.

Третье воспоминание связано со своеобразной научной полемикой, которую мне пришлось вести в письменном виде в 2020-м году. В марте 2020-го была опубликована статья [26], представляющая собой критический разбор трех моих публикаций [17; 22; 27], в котором подвергалась сомнению причинно-следственная связь цитируемости научных документов с их использованием, а использования – с их ценностью. Подвергая эти связи сомнениям, автор статьи [26] не

⁷ Одним из соавторов доклада является специалист с мировым именем.

⁸ Здесь «количественная оценка» синонимична «количественным исследованиям». Напомним, что «термин “количественные исследования” призван подчеркнуть отличие от непосредственного измерения [24], и под количественным исследованием <...> понимается использование для количественной характеристики показателей, т. е. “некоторых измеряемых свойств объекта, используемых для оценки других, непосредственно не измеряемых свойств” [14, с. 42] (например, количество ссылок, сделанных на статью, как показатель её ценности)» [25, с. 139].

рассматривал самого определения ценности, положенного в основу «атакуемых» им работ, но старательно пытался найти слабые места в приведенной в них аргументации. При этом проделывались весьма странные вещи: автор [26] претендовал, к примеру, на «уточнение» представления об оценке ценности научного документа – никак не определяя само свойство и не обсуждая его определения – путем требования проводить для оценки ценности документов и оценку «результативности ученого». Понятно, что это заведомо нелогично: речь идет и о разных объектах, и о принципиально разных их характеристиках. Из самих работ, цитируемых автором [26] «в подтверждение» своим аргументам, следует, что «результативность» – это синтетическая характеристика научной деятельности, которая «включает в себя и ценность научных документов <...>, и их качество <...>, и продуктивность учёных (по числу их публикаций). Итак, это – синтетическое понятие из совсем другого ряда, нежели *полезность, влияние, качество, значимость, ценность...* Понятно, что рассматриваться в этом ряду оно ни в коем случае не должно, и уточнить с его применением трактовку понятия «ценность» – невозможно» [28, с. 26]⁹.

Это лишь один пример из [26], но он весьма характерен, т.к. полемику об оценке свойства научного документа автор [26] ведёт без анализа рассматриваемого понятия, используемого в критикуемых им работах, и без попытки изложить свою точку зрения на то, как же следует понимать «ценность документа». Утверждения о том, что подход к оценке ценности следует чем-то дополнить, – абсолютно голословны, т.к. вопросом о содержании оцениваемого свойства он не озаботился. Неудивительно поэтому, что, как и в предыдущем примере, в [26] рассматриваются такие уморительные ситуации, как «использовано, но не ценно», «ценно, но не использовано»... Но такие рассмотрения лишены смысла: «ведь именно в использовании объекта и реализуется его ценность <...>, следовательно, в отсутствии использования объекта о его ценности судить просто невозможно. “Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности” [29, с. 232] (Выделено мной – В.С.Л.¹⁰). А.А. Крулев вправе исповедовать иное понимание ценности, – но в этом случае ему следовало бы **обязательно привести и обосновать** разделяемое им определение и попытаться показать, почему трактовка этого понятия автором, которого он стремится подвергнуть критике, является, по его мнению, неудовлетворительной» [28, с. 17]. Но ни анализа трактовки

⁹ Полностью опровержение точки зрения автора [26] на «результативность» приведено в [28, с. 23–27]. Для полного опровержения его критических взглядов на оценку ценности научных документов следует читать мою публикацию [28] целиком. В рамках тематики данного эссе более подробное воспроизведение этой полемики нецелесообразно.

¹⁰ Сюда можно было добавить и следующую формулировку (из журнала «Вопросы философии»): «жизнь статьи, ее актуальная ценность зависит от использования последующими учеными» [30, с. 120]. Похожее высказывание: «Хорошо известно, что цитаты могут дать представление о том, в какой степени *используется* работа данного учёного» [31, р. 50]. Или: «публикация ценна в той мере, в какой она явно *используется*, т.е. цитируется в более поздних статьях» [32, р. 740]. Можно привести много таких примеров.

ценности документа, исповедуемой автором этих строк, ни опоры на какое-либо иное определение ценности в работе [26] не содержится (при этом автор [26] путает понятия «ценность» и «качество» [28, с. 11]). Фактически у него получается, что можно вкладывать в понимание свойств научных документов, поддающихся количественной оценке, любые приглянувшиеся характеристики документов, их создателей, среды их создания, а для «критики» предшественников достаточно упомянуть какой-нибудь аспект документа (создателей, среды их создания), которые предшественник не упоминал – при этом ни мало не задумываясь, а имеет ли этот аспект хоть какое-нибудь отношение к рассматриваемому свойству... Но когда я в сердцах спросил одного коллегу, как же можно так поступать – да ещё и не приведя альтернативного определения ценности и не сопоставив его с трактовкой этого свойства «критикуемым» автором – я услышал характерный ответ: «Но ведь определений много, знаешь сам: философские словари ведь листал. И те определения запутают, кого хочешь. Да и про «ценностные свойства» наши уважаемые коллеги по профессии в своё время писали, расчлняя понятие «ценность» на отдельные свойства и допуская априорную их оценку¹¹ – что ж и ему не дополнять подход к оценке ценности документа всем, что ни придет в голову?!». (Правда, автор [26] не ссылался ни на упомянутые в сноске 11 работы, ни на определения философских словарей, но ведь он так горячо настаивает на распространенности практики не делать ссылки на использованное [26, с. 84]...)

Терминологическая чехарда, связанная с обозначениями свойств научного документа: примеры из литературы

Выше рассматривались примеры, «зацепившие» меня лично в дискуссиях (имевших место в той или иной форме), но при внимательном прочтении «цепляют» и просто многие попадающие в поле зрения статьи.

Например, J.A. Virgo [37] после указания на важность оценки *качества* публикаций [37, p. 416] предлагает в качестве «возможной альтернативы» тому, чтобы «не впитывать большие массивы потенциально *бесполезных*» документов, оценку их *важности (importance)*» [Там же] (Выделено мной – В.С.Л.). Воспринимает ли автор «качество», «полезность» и «важность» как синонимы? Определений качества, полезности, важности при этом нет; более того, в описываемой работе определение значение термина «важность» «оставлено на ответственность каждого индивидуального эксперта в соответствии с вопросами о каждой оцениваемой статье» [Там же]. В вопроснике же предложено дать относительную оценку *важности* статьи в

¹¹ Об априорной оценке ценности технической литературы, исходя из утверждения, что «потенциальная ценность документов может быть определена, исходя из условий создания», писала В.А. Минкина [33, с. 113]. Маркеры, предпологаемо отражающие «условия создания» документов (еще не использованных), в свою очередь предпологаемо же указывающие на их потенциальную ценность, пытались предложить та же В.А. Минкина [34], А.Р. Уваренко с соавт. [35], Т.А. Егерова [36] и другие.

контексте собственных исследований эксперта, а также оценку ее *значимости* в контексте исследований по тематической области эксперта безотносительно к его работам. Там же – вопрос о «продолжительной значимости» оцениваемой работы, предложение оценить её глазами редактора журнала, предложение «оценить» работу по пятибалльной шкале [37, р. 420]... Одно или разные свойства предлагается оценивать экспертам?

Между тем, ясно, что первый вопрос предполагает наличие такого умозрительного стандарта (эталона), в качестве которого выступают представление эксперта о его собственных исследованиях, второй вопрос предполагает в качестве такого эталона усредненное представление эксперта об исследованиях в его тематической области. Понятно, что и редакторские решения не обходятся без сравнения потенциальных публикаций с умозрительными стандартами (пусть порой нестабильными и противоречивыми)... Итак, если есть умозрительные стандарты (эталон) и эксперты, совершающие априорную оценку, то речь (*по определению*) идет об оценке *качества*¹². Что до «оценки по пятибалльной шкале», то она прямо предполагает наличие признаков сравнительного *качества* – а не «важности» и не «значимости» – оцениваемой информации – как это и делается при оценке знаний учащихся. Экспертная оценка, описанная J.A. Virgo [37, р. 421], – это и есть оценка *качества* в соответствии с самим определением данного свойства; «важность» и «значимость» могут при этом восприниматься как употребленные в неверном значении синонимы термину «качество»¹³, а могут – как те упомянутые в стандартах [38-40] (п. 3.6.1) «присущие характеристики», соответствие которых требованиям (см. сноску 12) предлагается оценить¹⁴.

В работе J.A. Virgo указано, однако, что ее исследование выполнялось в качестве «попытки разработать объективный критерий для предсказания и оценки важности и *ценности* научных публикаций» ([37, р. 416], выделено мной – *В.С.Л.*). Итак, появляется – также лишенный какого-либо определения – и термин «ценность». Но он тут же «исчезает»: строчкой ниже начинаются авторские рассуждения о практическом значении оценки «важности» (но не ценности) научных статей. А ниже – указание на полезность своей работы в исследовании «проблем оценки “качества”». Есть и пример употребления слова «полезность» (“usefulness”) в качестве синонима «важности» [37, р. 418]. После сравнения результатов анкетирования экспертов с результатами цитируемости работ делается вывод о применимости анализа *цитируемости* (дошли до сути) в качестве «упреждающего показателя» (использовано слово «предиктор», “predictor”) *важности* [37, р. 422, 428]. Нет сил входить в дальнейшие детали:

¹² О *качестве* – см. сноску 3. См. также определение из стандартов: *качество* суть «степень соответствия набора присущих характеристик <...> объекта <...> требованиям» [38, п. 3.6.1; 39, п. 3.6.1; 40, п. 3.6.1]. Здесь «требования» соответствуют «идеальным стандартам», упомянутым в сноске 3.

¹³ Между тем, «важность» и «значимость» – полные синонимы друг другу [41], но не термину «качество».

¹⁴ Строго говоря, нигде не оговорено, что при оценке «степени соответствия набора присущих характеристик объекта требованиям» как *оценке качества* этими характеристиками не могут быть какие-то *иные* свойства, отличные от *качества*.

достаточно отметить, что *менее оперативный* методический подход назван предиктивным, то есть опережающим¹⁵, а применительно к оцениваемому свойству документов имеет место терминологическая чехарда. При этом *ни один* из примененных терминов не получает в статье [37] *никакого* определения. А ключевое понятие «важность» – это, согласно J.A. Virgo, «то, существование которого интуитивно ощущается, хотя это несколько абстрактное понятие»¹⁶ [37, р. 416]; воздержусь от прямых раздраженных комментариев. Но как можно спорить об индикаторах, не решив, какое именно свойство документа подвергается оценке, и каково же содержание, стоящее за термином, обозначающим свойство?!

А что говорится о количественно оцениваемых свойствах научного документа у Юджина Гарфилда, внесшего столь огромный вклад в библиометрию/наукометрию? Откроем несколько его работ.

В [42] для характеристики, выраженной в данных о цитируемости, использованы слова «воздействие» (“impact”) [42, р. 670] и «влияние» (“influence”) [42, р. 669] цитируемых документов. Далее говорится о возможности (непрямого) измерения «научной результативности» (“scientific performance”) путем учета цитируемости [42, р. 670]. Затем вновь говорится о «воздействии» [42, р. 671]. Какие-либо терминологические толкования в данной статье отсутствуют.

Согласно другому тексту того же Ю. Гарфилда [43, р. 2] «воздействие», возможно, является прямым следствием «использования». Данную точку зрения (о взаимосвязи «воздействия» и «использования») я считаю, как минимум, спорной¹⁷, но отрадно, что в этой работе в явной форме признается, что цитируемость документа отражает его *использование*; отсюда

¹⁵ Экспертную оценку можно провести сразу после выхода документа в свет; ссылки же на него «накапливаются» годами.

¹⁶ Дабы не возникли подозрения, что корявость фразы вызвана неточным переводом, привожу эту фразу дословно: “This concept of “importance” is one which is intuitively felt to exist although it is a somewhat abstract notion” [*ibid*].

¹⁷ «Коль скоро <...> адекватного определения термина “воздействие” не найдено, в дальнейших собственных умозрительных примерах будем считать “воздействием” “сильное влияние”, рассматривая при этом слово “влияние” на “бытовом” уровне, близко к понятию “сильное впечатление”. (Кстати, одно из словарных определений трактует “воздействие” как “силу впечатления” [10, с. 1131].) Итак, кто-то может находиться под серьезным “воздействием” какого-то документа (например, он постоянно думает о нем, пытаясь понять, возможно ли приложение “зацепившей” идеи к собственным исследованиям, ищет пути такого приложения и т. д., но, “если документ тот остается источником идей, еще не нашедших применения в конкретной работе, процитирован он не будет” [17, с. 7] и воздействие не будет отражено» [22, с. 69]. То, что значительное количество влияний не отображается в цитируемости, признавали, в частности, M.H. MacRoberts и B.R. MacRoberts [44, р. 343]. И наоборот, «если конкретный исследователь часто цитирует некий документ, это не значит <...>, что данный документ имеет влияние на развитие соответствующей отрасли или хотя бы на творческий рост самого исследователя, это не значит <...>, что автор цитирующего документа осознает и признает это влияние; это значит лишь, что он (автор) многократно использует этот документ, “раскрывая” его объективную ценность – быть может, даже против собственной воли» [17, с. 7], но следуя научной добросовестности и/или педантизму.

Между тем, и такие (фактически ставшие классиками) авторы, как MacRoberts и MacRoberts [44, р. 342], рассматривая понятие «влияние» или “influence” («воздействие», как мы помним, – это «сильное влияние») применительно к его использованию в цитат-анализе, пытаются дать определение понятию «влияние» через понятие «использование», что, как ясно из вышеизложенного, более уместно для определения понятия ценности.

же непосредственный «мостик» перебрасывается к ценности (не к «воздействию»!) хотя бы в силу самого её определения. «Цитирования позволяют ученым оценить, насколько их исследования *используются* другими авторами», – также отмечал Ю. Гарфилд в [45, р. 354]. В заметке же [46] (оставшейся неопубликованной) Ю. Гарфилд утверждает, что «импакт-фактор» является «в основном, мерилем использования (ценности?)»; понятно, что это в еще большей степени может быть отнесено к показателям цитируемости в целом как к родовому понятию. Обоснования этому утверждению в [46] никакого нет; по-видимому, это казалось автору очевидным. (С другой стороны, мысль можно считать и «недодуманной», т.к. мысленный знак равенства между использованием и ценностью почему-то сопровождается у автора знаком вопросительным.) Кажется, впрочем, что Ю. Гарфилд куда чаще предпочитал говорить не об использовании и ценности, а о воздействии, что лично мне странно. (Впрочем, при огромности его наследия готов допустить, что какие-то его нужные публикации прошли мимо меня.)

Рассмотрим несколько более известных его работ. В статье “Citation analysis as a tool of journal evaluation” отражаемые в Science Citation Index журналы названы «важными» и «значимыми», – «в той мере, в какой количество цитирований можно считать надежным показателем “важности” и “значимости”» [47, р. 529]; далее, однако, говорится о том, что «частота цитирования журналов отражает ценность журнала и его использование» [47, р. 535]. Связывается на вербальном уровне частота цитирования журнала и с качеством отдельных опубликованных в нем статей [47, р. 530]. При этом определений «важности», «значимости», «ценности» и «качества» в статье нет, и, похоже, что главным «фактором», с которым автор связывает цитируемость журнала, выступает у него «значимость» (“significance”) [47, р. 537]. (Кстати, как уже отмечалось выше, «значимость» (“significance”) – это полный синоним слова «важность» (“importance”) [41].). Конечно, о проработанности и упорядоченности терминологии здесь нет и речи; но отрадно хотя бы то, что ценность журнала ассоциируется с его использованием.

«Значимость» (“significance”) является преобладающим термином для обозначения свойства журналов, отображаемого их цитируемостью в [48]; впрочем, столь же часто употребляется в [48] и полностью синонимичный ему термин «важность» (“importance”). Значение термина Ю. Гарфилд не раскрывает. В работе Ю. Гарфилда 1955 года [49] также присутствуют только эти два синонимичных термина, причем «значимость» относится к статьям, а «важность» – к журналам.

Терминологическая чехарда вокруг наименования свойства документа, отражаемого цитируемостью, началась не вчера. Так, в классической работе Р.Л.К. и Е.М. Gross 1927 года [50] применительно к таблице с данными о цитируемости журналов употреблено слово «важность», но в тексте применительно к отдельным оцениваемым журналам можно встретить такие слова, как «качество», «полезность»...

Определений отображаемому свойству или свойствам нет.

В статье V. S. Madhugiri с соавт. [51] использован термин «ценность» (применительно к цитированным научным статьям [51, р. 1284]), но также и «важность» [51, р. 1286]; определений, по обыкновению, нет. Есть и явное терминологическое противоречие: о статьях, получающих ссылки, сказано, что они, «следовательно, <—> хорошего качества» [51, р. 1284]. Редакционная статья, предваряющая только цитированную, [52] выглядит гораздо корректнее: хотя в ней, наряду с термином «ценность» используется термин «значимость» [52, р. 1272], в ней также фактически содержится признание о том, что ценность отображается в *использовании*, которое фиксируется в уровне *цитируемости*: «К сожалению, “ценность” определяется количеством ссылок, а не действительным использованием знаний» [52, р. 1272]. Но поскольку нет доступного способа достоверной оценки «использования знаний» (а сам термин «знания» может восприниматься неоднозначно¹⁸), такая «критика» по большому счету повисает в воздухе, – а остается признание того, что «ценность» документов познается через их использование, а уровень их цитируемости является его индикатором. (Желающим же покритиковать этот индикатор стоит помнить, что «о недостатках какого-либо метода следует говорить при наличии лучшего либо эталонного, а при их отсутствии стоило бы говорить только об особенностях метода» [17, с. 11].)

Приведу еще один пример терминологической чехарды. Вот несколько цитат – пронумерованных для удобства дальнейшего комментирования и снабженных мной выделениями курсивом – из сетевой статьи S. Konkiel [54]:

1) «традиционные мерилы *качества* исследований, такие как “импакт-фактор” и подсчет ссылок»;

2) «<...> альтметрика, <т.е.> новый подход к оценке *качества* и *популярности* исследований <...>. Для понимания альтметрики, начнем с Манифеста альтметрики <...>, который объясняет, как может быть оценена *ценность* <...>» (какого объекта?! – В.С.Л.);

3) «<...> журнальный импакт-фактор как <...> мерило *качества* с тем, чтобы позволить ученым понять *ценность* содержания, опубликованного в журнале по отношению к другим журналам <...>» [Там же].

Так что, по мнению автора цитируемой статьи, все же оценивается: *качество* (1, 3), *качество* и *популярность* (2), или все-таки *ценность* (2, 3)?! К какому точно объекту относится оцениваемое свойство? (В 1 это –

¹⁸ Привожу замечательное определение: «Знание есть целостная упорядоченная совокупность смысловых квантов, распределенных по ячейкам памяти, плюс набор правил оперирования (извлечения и соединения) этими квантами. Хранилище знаний есть память. Идентификация субъектом собственного знания есть сознание» [4, с. 57]. И выше: «Понятие знания <...> относится только к владеющему им субъекту» [Там же]. Или: «Запоминание и упорядочение полученной информации превращает ее в знание. <...> Знание научно определяют как структурированную информацию, т.е. связанную в сознании личности причинно-следственными и иными отношениями и образующую систему» [53, с. 209]. Приняв это определение, следует, полагаю, признать, что задача оценки «действительного использования знаний» нерешаема т.к. доступа к сознанию и памяти авторов цитирующих документов у наукометристов нет. См. тж. сноску 1 о соответствующей невозможности оценки «информации» по той же причине.

исследования, в 3 – вероятно, говорится о *качестве* журналов, но о *ценности* их содержания – то есть статей?! Кроме того, в соответствии с 3, у самого журнала и его содержания оцениваются разные свойства при приложении одного и того же индикатора. Конечно, наличие ценных публикаций можно объявить признаком качества научного журнала, «требованием к объекту», упоминаемом в п. 3.6.1 стандартов [38-40], но от этого журнал, содержащий много ценных публикаций или немного публикаций исключительной ценности, сам не перестанет быть ценным. Другое дело, что цитируемость *действительно* может указывать и на иные свойства документа – «воздействие» (влияние)¹⁹ цитируемого документа на автора цитирующего документа, авторитетность или степень соответствия цитируемой работы риторике цитирующей работы [55], даже на «аттрактивность» или привлекательность журнала (как упорядоченной совокупности документов), вызванную его внешним оформлением (форматом, дизайном обложки, шрифтом и т.п.) – по аналогии с «аттрактивностью» или «привлекательностью» произведения искусства, когда «чистая “зрелищность” <...> вне связи с содержательным высказыванием может иметь определенную эстетическую привлекательность» [56, с. 38–39]. Но «воздействие» отражается в цитируемости хуже (менее адекватно), нежели ценность/использование: как говорилось выше, кто-то может находиться под серьезным «воздействием» какого-то документа (например, он постоянно думает о нем, пытаясь понять, возможно ли приложение «зацепившей» идеи к собственным исследованиям, ищет пути такого приложения и т. д., но, «если документ тот остается источником идей, еще не нашедших применения в конкретной работе, процитирован он не будет» [17, с. 7]. «Степень соответствия цитируемой работы риторике цитирующей работы» – явно лишь *один из возможных мотивов* цитирующего автора для привлечения работы (общая же **причина** включения ее в список цитируемой литературы остается прежней: работа была *использована*). Что же до «аттрактивности», то, разумеется, можно допустить, что при равноценности журналов *A* и *B*, более привлекательно оформляемый (обложка, шрифт и проч.) журнала *B* будет использоваться чаще. Но анализ цитируемости *A* и *B* в лучшем случае лишь позволит высказать такое предположение (столь же правомочное и чисто умозрительно); вычленив же долю статей, «избыточно» использованных из-за субъективного предпочтения более привлекательно оформленного журнала мы не сможем. (И вообще ссылки делают на статьи, а не на дизайн обложки.) Иными словами анализ цитируемости отражает *преимущественно* ценность (документов или их упорядоченных совокупностей), поскольку *именно* уровень цитируемости имеет именно с ней причинно-следственную связь. Ничего в отношении сказанного не меняет и то, что анализ цитируемости документов вполне успешно используется для оценки их *качества* [57; 37; 58]: связь цитируемости с

¹⁹ Напомню, что рассмотрение определений «воздействий» привело к принятию в качестве его корректного определения такого значения, как (всего лишь) «сильное влияние» [22, с. 69]. См. сноску 17.

качеством – *вероятностная*, а не причинно-следственная – в отличие от связи с их использованием [59, с. 47].

Но вернусь к разбору собственно чехарды в работе [54] (уж больно ее аспекты типичны). В выделенном мной пункте 2 объект, обладающий *ценностью*, вообще *не назван*. Далее, автору стоило бы определиться, идет ли речь об *оценивании* или об *измерении*: речь-то у него идет не об индикаторе, а о *мериле*²⁰? А ведь разница между непосредственным измерением и количественной оценкой непосредственно не изменяемого свойства существенна [14, с. 42]²¹

А вот еще один занятный небольшой пример. «Публикация ценна в той мере, в какой она явно используется, т.е. цитируется в более поздних статьях», – чеканно сказано в [32, р. 740], и я уже цитировал это как пример интуитивно правильного понимания ценности научного документа. И было бы все прекрасно, но сама статья, в которой содержится эта формулировка, называется «Анализ цитирования для измерения ценности научных публикаций: инструмент оценки качества или комедия ошибок» [32]. Ну, и каком же свойстве в ней тогда идет речь? А если действительно о ценности, то почему следует непременно ожидать пригодности «инструмента» и для оценки качества?!

...Занятный пример терминологической небрежности можно усмотреть и в следующей фразе из работы 2010 года: «Хотя первоначально он <журнальный импакт-фактор> задумывался как способ оценки журналов, в настоящее время он часто используется для определения ценности статей, опубликованных в этих журналах, и, как следствие, качества работы отдельных ученых» [60]. То есть вначале упомянут цитат-показатель оценки журналов – но по какому их свойству? Не сказано. Далее он переносится на оценку отдельных статей с уже названным свойством – на оценку их *ценности*, – и, далее, с оценки статей – на оценку их авторов. Казалось бы, логично предположить, что применительно и к журналам, представляющим собой собрание статей, и применительно к деятельности их создателей оценке будет подлежать то же самое свойство (*ценность*), но нет: оцениваемое свойство журналов не названо, а применительно к работе авторов речь идет о качестве. Последнее, конечно, также – и всегда – может быть обосновано указанием на использование в роли «требований» [38-40] к оценке авторов наличия у них публикаций в журналах с определенным уровнем импакт-фактора, – тогда содержание оценки может совпадать с конкретным наполнением значения термина «качество», – но об обосновании всего этого нет и речи. Кстати, практика оценки *ценности* статей по импакт-фактору журналов никак не связана авторами статьи [60] с *использованием* статей: использование документов упоминается лишь в контексте поисковой деятельности пользователей. Вот у Priem и Hemminger [60] и получается, что сделанная закладка в сетевом документе – это его «использование» (а

²⁰ В оригинале – “measure”.

²¹ См. сноски 4 и 8.

пользователь этот документ хотя бы до конца долистал?), а ссылка на этот документ об его использовании не свидетельствует. Не абсурд ли? В этот раз комментировать не буду; см. [17, с. 8–10].

В свою очередь, Teplitskiy и Bakanic [61] также рассматривают оценку ценности документов вне всякой связи с использованием. Вопрос об использовании документов, признаваемых ценными, даже не поднимается; при этом оценка «ценности» осуществляется в данной статье *экспертами* – вне связи с использованием, априорно. Априорность оценки, отсутствие ее связи с использованием объекта, который или свойство которого оценивается, – это признаки *не ценности, а качества* (см. сноски 3 и 12)²². Однако описание понимания ценности, *альтернативное* исповедуемому в данном эссе, в статье Teplitskiy и Bakanic [61] как раз присутствует, приведены и необходимые ссылки. По мнению Teplitskiy и Bakanic, «истинная ценность может быть многомерным понятием» [61, р. 1] и, в рамках этого понимания, по их мнению, «воздействие» (“*impact*”; в другом месте – «заявляемое потенциальное воздействие» [61, р. 1]) является *аспектом* ценности научного документа [*Там же*]. Однако, – увы! – никакого определения *impact*'а не приводится, о возможной связи «воздействия» с использованием не упоминается, а задачей статьи является обсуждение вопроса, могут ли рецензенты предсказать *будущий* “*impact*” статьи, который выше уже провозглашался и аспектом (“*dimension*”) ценности, и стандартом качества. Подход авторов выглядит тщательно проработанным, но, в то же время, вызывает удручающее впечатление: если цитировавшаяся выше В.А. Минкина исходила из того, что «потенциальная ценность документов может быть определена, исходя из условий <их> создания» [33, с. 113], часть из которых *видима* и отражается в *видимых* характеристиках документов, – то есть опиралась в своём подходе на оценку реальных, *видимых маркеров*, связанных с *имеющимися конкретными внешними признаками* статьи, – то Teplitskiy и Bakanic пробуют для оценки ценности практиковать экспертную оценку фактически *будущего* «воздействия», которое ещё не получило никакого конкретного выражения и ни в каких внешних признаках себя не проявило... то есть, грубо говоря, предлагают гадание. Насколько бы «иным» ни было понимание ими ценности – ну, не *вяжется*... Столкнувшись с такими построениями, сложно не запутаться, или не отбросить от себя проблему, сказав, что исследование якобы «не зависит от конкретного понимания человеком понятия ценности, и поэтому нет необходимости

²² «Однако в социальных и гуманитарных науках “ценность” может приобретать самые разные значения», – пишут Teplitskiy и Bakanic [61]. – «Например, хорошей работой может быть та, которая проводится компетентно, или творчески использует данные, или задает новый вопрос». Но названные признаки явно относятся к *качеству*. Ср. с текстом Martin и Irvine: «Качество - это свойство публикации, описывающей исследование. Оно указывает на то, насколько хорошо выполнено исследование, лишено ли оно очевидных “ошибок”, насколько эстетически удовлетворительны его математические формулировки, насколько оригинальны выводы и т. д.» [18, р. 70]. Конечно, уровень цитирования в социальных и гуманитарных науках в целом значительно ниже, чем в естественных и технических, что могло стимулировать авторов на «альтернативные» пути оценки ценности документов... однако речь у них в цитирующем отрывке идет все же о *качестве*. Как бы они его ни называли.

давать точное определение этому понятию», как говорят (дословно) Waltman и Traag [20, p. 10]... Текст статьи [61] становится еще менее возможным для принятия, когда видишь, что Terplitskiy и Bakanic не только обсуждают применение экспертизы для оценки «будущего воздействия», но и, **напротив**, для оценки *качества* – априорной по определению (см. сноску 3), – применение анализа цитируемости (ретроспективного по своей природе): ими сказано, что «использование цитат в качестве золотого стандарта качества статьи требует компромиссов» [61, p.2]²³. Еще бы!.. Затем обсуждается использование экспертных заключений для оценки качества – наконец-то взят поворот на верный путь – и вот тут-то и возникает обсуждение вопроса, а могут ли рецензенты предсказать будущий “*impact*” статьи. И хотя при этом обсуждалась также и цитируемость как «мерило “*impact*’а”» [61, p. 2], все же сама постановка задачи предсказания величины “*impact*’а” с помощью экспертных заключений не кажется авторам [61] противоестественной... Отказываюсь продвигаться дальше по тексту и остаюсь с головной болью.

Между тем, и статьи, содержащие немало тематической путаницы или небрежностей, могут прекрасно стимулировать мысль читающего их коллеги, подвести к совершенно правильному толкованию свойств документа. Хочу привести в качестве яркого примера одну давнюю статью О. Воверене, которая весьма содействовала развитию моих убеждений о ценности документа [62]. Правда, они потом долго еще долго не оформлялись в слова (а затем – в нужные слова)... но это уже другая история. Приводимое ниже ее высказывание было для меня весьма вдохновляющим и в момент его первого прочтения, – и хотя на вербальном уровне внушаемая им мысль до поры не складывалась, ощущение «вот оно!» было ярчайшим и радостным...

«Новые идеи рождаются, как правило, на базе уже имеющейся информации <...>», – говорилось в статье [62, с. 41]. – «Для ученых научной и этической нормой является упоминание в виде ссылок на работы предшественников, оказавших на них определенное влияние» [*Там же*]. И далее: «Как правило, в приоритетную библиографию попадает самая ценная, наиболее полно соответствующая потребностям специалиста информация» [*Там же*]. Если читать и перечитывать хотя бы с минимальным вниманием,

²³ Конечно, при желании легко найти «обоснование» необходимости апостериорного похода к оценке качества: приведенное в стандарте (!) утверждение, как то, что «качество продукции и услуг организации определяется способностью удовлетворять потребителей и преднамеренным или непреднамеренным влиянием на соответствующие заинтересованные стороны» [40, п. 2.2.1], как будто, прямо указывает на оценку качества «продукции и услуг» *после* их использования потребителями, когда подтверждена их удовлетворенность и проявлено «влияние». (Оценка качества при этом совпадет или почти совпадет с оценкой ценности.) *Однако* речь в данном отрезке текста идет о предполагаемых *причинах, истоках* качества, а не о характеристике самого этого свойства и тем более не о *процедуре его оценки*. Последняя «прописана» – что я многократно цитировал выше – как соответствие характеристик требованиям [38, п. 3.6.1; 39, п. 3.6.1; 40 п. 3.6.1] (и именно это описание приведено в разделе «**Термины и определения**» цитированных стандартов!); сама же практическая оценка качества традиционно осуществлялась в созидательной деятельности человека до направления объектов потребителям. Собственно, цитированные стандарты для того и были созданы, чтобы к потребителю не попадала некачественная продукция!

то очевидно, что, если «идеи и решения» «рождаются на базе» какой-либо информации, это значит, что их автор эту информацию *использовал*. Это использование отражено «в виде ссылок на работы предшественников» в «приотчетной библиографии». Цитируемый автор отождествляет ссылки с признанием *влияния* цитируемых работ (повторю, что считаю это утверждение справедливым лишь отчасти и имеющим определенные ограничения²⁴), а далее заявляет, что «в приотчетную библиографию попадает самая *ценная* <...> информация» из соответствующей информационным потребностям цитирующего. То есть достаточно ясно прослеживается мысль о том, что цитируемость отражает использование, которое, в свою очередь, указывает на ценность. Второй «мостик» к признанию цитируемого ценным перебрасывается в этой цитате упоминанием о том, что «цитируемая информация» – это «наиболее полно соответствующая потребностям специалиста информация». И хотя здесь не очень ясно, сознательно ли считает ли цитируемый автор такую информацию ценной, но поскольку «ценность <также> постигают через *удовлетворение желаний человека* в связи с обладанием или *использованием им материальных объектов* или нематериальных источников удовлетворения» [9, р. 606] (выделено мной – *В.С.Л.*), а использование информации, соответствующей информационным потребностям цитирующего автора, явно является таким «удовлетворением желаний», указание [62, с. 41] на то, что цитируемость отражает ценность, становится еще более явным. Хотя, конечно, сказанное проявится в сознании того читателя, который уже давно усердно размышляет об отражаемом свойстве, а не того, кто открыл статью [62] случайно.

«Ценность» как философское понятие: сколь серьезно оно умножает путаницу в постижении ценности научного документа как его свойства?

Ситуация с терминологической неразберихой может осложниться принятием во внимание значения слова «ценность» как философского понятия (вспомним, с чего начиналось это эссе). Многие философские определения этого слова, имея значения, понятные философу, могут отвлечь и запутать библиометриста (наукометриста), заставить его махнуть рукой на попытку понять, что же есть *ценность научного документа*. Секрет «иммунитета» от такой потери ориентировки прост²⁵: следует твердо помнить, читая очередную статью с определением термина «ценность» в ещё одном философском словаре, что мы ищем определение не обобщающей категории,

²⁴ Как выше указывалось, «кто-то может находиться под серьезным “воздействием” <т.е. под сильным влиянием – см. сноску 17 – какого-то документа (например, он постоянно думает о нем, пытается понять, возможно ли приложение “зацепившей” идеи к собственным исследованиям, ищет пути такого приложения и т. д., но, “если документ тот остается источником идей, еще не нашедших применения в конкретной работе, процитирован он не будет” [17, с. 7] и воздействие не будет отражено» [22, с. 69].

²⁵ Правда, он открывается лишь после того, как в течение ряда лет ты безуспешно пытаешься пользоваться самыми разнообразными определениями.

а *свойства*²⁶. И тогда философские словари могут сослужить нам и полезную службу! Рассмотрим с этих позиций буквально несколько соответствующих определений.

Первое из цитируемых определений может действительно только запутать впервые размышляющего о свойствах документа. **«ЦЕННОСТЬ** – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением <...>. Ценность является не свойством какой-то вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта» [15, с. 507]. Не делаю вид, что понимаю сказанное здесь в целом. Да и не очень к этому стремлюсь, поскольку здесь ясно сказано, что это – *не свойство*. А коли так, нам это определение незачем и рассматривать. Но привести подобный пример было нужно: ведь новичок, впервые размышляющий о свойствах документа, может подумать, прочитав такой текст, примерно так; «А, так это слово для обозначения свойства и не используется. Ну, тогда я буду говорить не о ценности, а о значительности (качестве, важности и т.д.)...». И тематическая чехарда будет преумножена.

Однако следующее цитируемое определение само фактически разделяет философское понятие и свойство. Из определения словаря с подзаголовком «Справочник студента» [63] узнаем, в частности, что **«ЦЕННОСТЬ** – 1. Понятие, которое характеризует «предельные», безусловные основания человеческого *бытия*. 2. Значение определенных предметов, явлений, процессов для *человека*, социальных групп, *общества* в целом. Указанные два смысла понятия «Ц.» часто расходятся, а порой и противоречат друг другу: то, что в философии рассматривается в качестве Ц. – свобода, добро, истина, – для отдельного человека может и не представлять интереса. В свою очередь, конкретные предметы, которые ценны для индивида, в философском смысле не являются Ц. <...>» [63, с. 620]. Здесь – возможно с трудом, но – усматривается разделение философского понятия и *свойства* «предметов» (объектов), которое названо «значением» (одно из значений слова «значение»²⁷: – «роль» (в смысле «важная роль», «незначительная роль») [15, с. 166], что достаточно близко к понятию свойства. Другие значения слова «значения» – «важность», «значительность» [15, с. 166; 64; 65]. О полноте синонимичности значения этих слов с «ценностью» (как свойством объекта) говорить не приходится, но, во всяком случае, здесь совершенно очевидно, что, присваивая термину такие синонимы, как «важность» и «значительность», словари указывают, что речь идет о свойстве. Более, того, один из попавших в поле зрения автора философских словарей дает более явное тому подтверждение, сообщая, что «значение к.-л. вещи есть то, чем она является для общественной практики» [12, с. 137], в то время, как свойство – это «то, что присуще какому-либо предмету» [15, с. 407]. Иными словами, значение – это свойство,

²⁶ Напомню, что попытка определения термина «свойство» приведена в сноске 4.

²⁷ Прошу простить невольный каламбур.

рассматриваемое в контексте общественной практики. Ценность же документа, определяемая способностью к его использованию и постигаемая через использование, и является таким свойством²⁸. «Внешне <ценности> выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечен в сферу общественного бытия человека» [12, с. 453].

Утверждение же, что «понятие <ценности> невозможно раскрыть, не обращаясь к понятию оценки – соотношению реальных явлений с <ценностью>» [63, с. 620] мы соотнесем с практикой библиометрической оценки свойств документов, в рамках которой и ведется наше обсуждение. Воздерживаясь от рассмотрения других примеров и определений я, повторяюсь, пытался в этой главке показать, что «философские» определения термина «ценность» могут и запутать библиометриста (наукометриста), но и быть ему полезны. Впрочем, второе – это для продвинутого, вдумчивого билио-/наукометриста, готового штудировать немалое количество таких определений. Начинающему же лучше держаться от них подальше...

К приемлемому определению ценности научного документа – шаг за шагом

Нельзя сказать, что нет таких определений. Но я говорю сейчас именно о приемлемых.

Выше ценность научного документа рассматривалась как его «свойство <...>, определяемое <...> пригодностью к практическому использованию в различных областях человеческой деятельности для достижения определенной цели» [2, с. 464]; при этом «перенос» понятия «ценность» с «информации» (к которой и относилось данное определение) на «документ» был связан как с тем, что вне документа, являющегося материальной формой фиксации информации, общество ей обладать не может [3, с. 102], так и с тем, что в действительности изначально должно было говорить именно о ценности *документа*, а не информации, поскольку по уровню именно *его* использования (ссылки делают на документы, а не на «информацию», заказы в интернете – как и в библиотеке – оформляют на документы, а не на информацию) можно выносить количественные суждения о ее ценности. С одной стороны, «*документ в самом общем случае можно определить как <...> закрепленную на материальном носителе информацию*» [53, с. 209], а с другой, – если и допустить целесообразность оценки информации «в отрыве» от документа, то количественное оценивание *ее* ценности «возможно» было бы осуществлять, лишь забравшись в голову пользователя документа: ведь «понятие информации обязательно включает в себя личность познающего объекта. <...> Информация приобретает статус таковой лишь когда ее

²⁸ «Кто может сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? <...> Таким судьей может быть только общественная практика» [3, с. 167].

семантическая составляющая осознается, распознается кем-то в этом качестве» [4, с. 41]. При такой (современной научной) трактовке документа и информации говорить о «самостоятельной» оценке ценности информации бессмысленно.

В попытке уточнить определение ценности документа, выше приводилась следующая цитата (которую сейчас будет воспроизведена в более полном виде): «Ценность, в том числе научная, не является чисто природным свойством предмета <...>, а образуется в результате предметно-практического взаимодействия объекта и субъекта²⁹. Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности» [29, с. 232] (Выделено мной – В.С.Л.). Отсюда, как представляется, следует, что в определении ценности научного документа нужно говорить не о его «пригодности к использованию», а о *состоявшемся* использовании.

Промежуточный условный проект определения

Отсюда: ценность научного документа – это свойство, определяющее его фактическое использование в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определенной цели³⁰. В этом условном промежуточном проекте определения мной снимается слово «практическое» – как могущее ввести в заблуждение: ведь одно из значений слова «практический» – это очевидное «относящийся к области практики» [66], а практика – это «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-н. в жизни, опыт» [67] (Выделено мной – В.С.Л.). При такой трактовке рассматриваемых понятий возникают резонные вопросы. Так, можно ли считать создание нового документа с преобразованием его содержания за счет использования при сочинении текста цитируемого документа «практическим» использованием? Здесь ведь явно нет прямого воздействия ни на материальный мир, ни на общество; непосредственное воздействие осуществляется «лишь» на авторскую мысль³¹... Но важнее, вероятно, даже другое: предлагаемое слово «фактическое» указывает на то, что речь *не идет* о *потенциальном* использовании (что может быть

²⁹ Ср. с также уже процитированным утверждением, что в качестве свойства объекта ценность существует «не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечен в сферу общественного бытия человека» [12, с. 453].

³⁰ Выше я не касался специально соотносительности понятия ценности с вопросом достижения цели, но возможная уместность сохранения этой части определения иллюстрируется следующей цитатой из моей предыдущей работы, посвященной ценности научного документа: «Понятие ценности трактуется также как способность содействовать достижению цели исследовательской деятельности» [33, с. 111] — и это соотносится с пониманием цитируемых работ как фактора, способствующего выполнению исследования» [17, с. 6]. *Бесцельное* использование научного документа трудно себе и представить: даже когда человек читает научный документ так, как другой читал бы научно-популярную литературу, о нем говорят «читает в познавательных целях». Кстати, получение удовольствия от чтения – тоже цель. Выявление подобных «использований» – сильная сторона альтметрии; данный аспект подробнее я обсуждать не буду.

³¹ Впрочем, ряд значений слова «практический» [68] не противоречит смыслу нашей формулировки.

усмотрено в «исходном» определении ценности информации с его формулировкой «*пригодность* к использованию»). Поэтому слово «фактическое» (в приложении к «использованию»), присутствующее в данном условном промежуточном проекте определения является не заменой или уточнением слово «практическое», а антонимом слову «потенциальное». (В свою очередь, «потенциальное использование» документа – это перефразирование его «*пригодности* к использованию».)

Пересмотр проекта с учетом определения терминологического словаря В.А. Фокеева

Мы говорим о *фактическом* использовании, как явлении, в котором проявляется ценность, но вот хороший пример движения мысли в этом же направлении с использованием другой лексики: в формулировке терминологического словаря В.А. Фокеева ценность информации определена как «свойство информации, определяемое *степенью* ее практического использования в соответствующих областях универсума человеческой деятельности» [69, с. 255] (Выделено мной – *В.С.Л.*). Представляется, что здесь также исключены любые двоечения, любые «лазейки» для попыток оценки «потенциальной» ценности: речь не может идти о *пригодности* к использованию, так как само употребленное словосочетание «степень использования» с очевидностью указывает на то, что речь идет об использовании *состоявшемся*. Здесь уже речь не только о том, что ценность *можно реально оценить* лишь по состоявшемуся использованию, здесь речь о том, что *состоявшееся использование практически заложено в само определение*: «степень использования» предположительной, вероятной, гадательной быть, как представляется, просто не может. Кто из современных экспертов возьмется предсказывать гипотетическое событие в таких деталях?

Формальным «минусом» данного определения в рассматриваемом контексте является то, что оно относится к «информации», а не к «документу», хотя, как указывалось, метрические оценки ценности, в контексте которых идет наше обсуждение, относятся и могут относиться только к документам.

С учетом данного определения можно перефразировать наш промежуточный условный проект определения следующим образом: «ценность научного документа – это свойство, определяемое степенью его фактического использования в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определенной цели».

«Но ведь определение ценности документа уже существует!»

Резонен вопрос: к чему всё это долгое обсуждение и проектотворчество, если в недавнем словаре «Библиотечный фонд» словарное определение «ценности документа» таки *присутствует* [70, с. 144]?

Смысл в том, что выглядит оно (во всяком случае, в моих глазах) неуклюже компромиссным. Разберемся; полученный к данному моменту опыт нам в этом пригодится. Итак, рассмотрим формулировку определения [70, с. 144].

Оно гласит, что ценность документа, – это его свойство, «определяемое степенью новизны, информативностью, уникальностью, актуальностью, *его пригодностью к практическому использованию* в различных областях человеческой деятельности для достижения определенной цели» (Выделено мной – *В.С.Л.*). Не будем обращать внимание, на то, что в определение перекочевала – из словаря 1975 года [2, с. 464] (и даже 1971 года [71, с.33]) – формулировка о *пригодности* (а не о степени или факте) использования. Важно другое: то, что «пригодность к *использованию*» стоит в одном ряду с «новизной», «информативностью», «уникальностью», «актуальностью». Но «новизна», «информативность», «уникальность», «актуальность» – суть *самостоятельные* свойства документа. Тогда «ценность» – это синтетическое свойство? Именно такая точка зрения встретится и при нашем дальнейшем разборе; ранее же мне она встречалась в работах В.А. Минкиной [33; 34] и Т.А. Егеревой [36], которые писали о «ценностных свойствах технической литературы». При этом «информационными характеристиками» (читай: индикаторами или показателями) таких частных «ценностных» свойств выступали в упомянутых работах как внешние признаки *еще не использованного* документа (напр., сведения о публикуемом издании, тип, объем документа), *отражающие условия его создания*, так и элементы его содержания (напр., «характер используемой терминологии» [34, с. 64]). Работа В.А. Минкиной [34, с. 64] содержит попытку установления соответствий между «информационными характеристиками» (индикаторами) и частными свойствами («актуальность», «точность», «достоверность», «оригинальность» и др.³²), но при этом одни и те же показатели в равной мере относятся к нескольким частным свойствам и, напротив, одни и те же частные свойства характеризовались различными показателями, причем без указания на бóльшую или меньшую их достоверность или адекватность. Фактически это – признание невозможности установить адекватные и однозначные соответствия между «частными свойствами» и «информационными характеристиками» научных документов. Между тем, наличие таких соответствий является одним из важнейших условий корректного проведения количественных исследований в социальных науках [72]³³. Можно, конечно, отметить (и выше об этом упоминалось), что и учет использования документов указывает не только на их ценность, но может

³² Оставим в стороне вопрос лишь о весьма частичном совпадении списка «ценностных свойств» определения [70, с. 144] с таковыми, рассмотренными в [34, с. 64] и повторно приведенных в [36, с. 125].

³³ Не принадлежащие к данной школе авторы работы [35] пытались выделить в качестве показателей «информационной ценности документа» [35, с. 14] характеристики библиографических ссылок в оцениваемых журнальных статьях (а не на них) – разумеется, при оценке статей до их использования. Здесь все внешние индикативные характеристики документа сосредоточены в его списке литературы, а понятие «ценности» (хотя и не получившие в [35] никакого определения) не «дробится» авторами на частные свойства. Несмотря на видимые отличия, подход работы [35] родственен рассматриваемому.

указывать и на другие их свойства, скажем на их «воздействие» (на цитирующий документ, на его автора), на те же «актуальность» и «оригинальность» (о чем сказано и в цитируемой работе В.А. Минкиной [34, с. 64]), но наиболее адекватно при этом отображается *именно* ценность [17; 73; 27] – для такого вывода, кстати, достаточно сравнить определения названных свойств...

Итак, поскольку однозначные соответствия между «частными свойствами» и «информационными характеристиками» (показателями) отсутствуют, конкретная выполнимость рассматриваемого подхода представляется весьма затруднительной. Кроме того, из рассматриваемых в [34, с. 64; 36, с. 125] «информационных характеристик» *выпадают* две: «сведения о частоте отражения документа в научно-вспомогательных указателях и способах его характеристики» и «сведения об интенсивности использования документа», которые *никак не связаны* с отражением условий создания документов. Если их использовать в комплексной оценке (но сведения об использовании документа уже отражают его ценность *напрямую!*), ни о какой оперативности оценки не будет и речи.

Между тем, если закрыть глаза на то, что в перечне «информационных характеристик» [34, с. 64; 36, с. 125] содержится и сведения, прямо указывающие и на уже состоявшееся использование, сама формулировка подхода, что «ценностные свойства» документов изучаются «исходя из условий их создания» свидетельствует об изучении документов, так сказать, «новорожденных», до их использования. Тогда «ценность», «состоящая» из «актуальности», «точности», «достоверности», «оригинальности» и т.п. [34, с. 64; 36, с. 125] оказывается свойством, лишь *потенциально* присущим документу. Конечно, не является аргументом то, что весь мой опыт библиометриста восстает против такой оценки, но и обычный («неспециализированный») здравый смысл кричит о том, что в качестве потенциала и исходя из условий создания объектов изучается их *качество*³⁴. Не соглашаясь с терминологией, отмечу, что после этих умозаключений становится более ясной логика в определении словаря-справочника «Библиотечный фонд» 2018 года [70, с. 144]: «пригодность к практическому использованию» так же сознательно указывает именно на *потенциал* использования, как и его «новизна», «информативность», «уникальность», «актуальность» [70, с. 144] (свойства неиспользованного документа) или «актуальность», «точность», «достоверность», «оригинальность» В.А. Минкиной и Т.А. Егеревой [34, с. 64; 36, с. 125]. Вот и получается, что здесь приведена одна из возможных трактовок *качества* (не ценности) документа!

³⁴ Повторю, что качество (а не ценность) товара оценивают *до* того, как направить его потребителю. Здесь ситуация именно такая: речь идет об отборе «наиболее ценных документов» (как формулирует В.А. Минкина) для включения в указатели литературы и выдачи потребителю [33, с. 111] – т.е. *до* использования их потребителем. А рассмотренные в [33; 35] «условия создания» отражены в «информационных характеристиках» [34, с. 64; 36, с. 125], эталонные значения которых служат «требованиями к объектам» при стандартизированной процедуре оценки качества [38-40, п. п. 3.6.1]. Правда, *практического* успеха в этой попытке выработки «эталонов» я не усматриваю.

В.А. Минкина признает, что «сложившееся представление о свойствах технической литературы как признаках ее ценности не облегчает задачу *качественного* отбора, так как сами свойства в документе в явном виде не выражены и проступают лишь в процессе его *использования*» [33, с. 112] (Выделено мной – *В.С.Л.*) Выделенные курсивом слова можно воспринимать и как то, что автор невольно проговаривается о том, что только по реальному использованию документа можно здраво судить о его ценности и что в действительности здесь предлагается оценка качества. (Кстати, в следующей статье Т.А. Егерера уже в первой строчке говорит о «значимости» вместо «ценностных свойств» – отношение к терминологии особым пиететом в наших примерах не отличается...)

Но если «ценностные свойства» документа «проступают лишь в процессе его использования» [33, с. 112], значит ли это, что автор добрался до сути и верного вывода о том, что́ же нужно использовать для количественной характеристики ценности? Увы, это не так: ведь из сказанного делается вот какой вывод: «это означает, что определить значимость текстового сообщения можно лишь экспертным путем» [*Там же*]³⁵.

Вспомним: при экспертной оценке высказываются *мнения*, а не фиксируются факты. Экспертная оценка – признанный инструмент определения такого свойства, как *качество*. Так что если принять, что в данном случае происходит оценка именно *качества* документа, то и обращение к экспертной оценке выглядит куда логичнее. В том числе, и оттого, что вследствие изначальной произвольности «требований к объекту», согласно которым осуществляют его оценку [38-40, п. 3.6.1], в качестве «требований» могут выступать некие *умозрительно* представляемые уровни «уникальности», «актуальности», «новизны» и «информативности», а само качество документа окажется тогда синтетическим свойством. Определениям качества это не противоречит, и аналогичные возможные подходы к оценке качества рассматривались выше. Итак, в конечном итоге мы вновь получаем (по моему скромному мнению) вовсе не оценку ценности. Да и экспертам, проводящим такую оценку, не позавидуешь: и ответственность велика, и словарь, приводящий определение ценности, включающее «степень новизны», «информативность», «уникальность», «актуальность» и «пригодность к практическому использованию» [70, с. 144], не дает определений ни «актуальности», ни «новизны», ни «информативности» документов [70]. Между тем, ни интуитивная понятность, ни общеупотребительность терминов не гарантирует от их различной трактовки экспертами (о чем косвенно свидетельствует [37], где содержание терминов, – хотя и других, – вообще отдавалось «на откуп» экспертам). Положим, определение «актуальности» содержится в работе В.А. Минкиной [33, с.

³⁵ Вот и здесь использован термин «значимость» – в значении «ценность»; но синонимом «ценности» он, согласно определению, не является [17, с. 5, 7] – о чем также говорилось выше. (Сбои четкости мышления приводят авторов к терминологической чехарде или «традиция чехарды» не дают сути рассуждений пробиться наружу?)

112], положим, оценка «актуальности» – это и *изначально* во многом учет не столько фактов, сколько мнений, но «степень новизны», «информативность» и «уникальность» – эти свойства как бы вызывают к аргументации свой оценки *фактами*.

А как проводить экспертную оценку «пригодности к практическому использованию»? Конечно, если речь идет решительно не о самом использовании, а о строго гипотетической к нему пригодности, то *в принципе* можно организовать и ее экспертную оценку, но тогда не произойдет ли вновь оценка такого свойства, как *качество*, но теперь – с большим числом ее составляющих, причем одним из «требований к объекту» выступит некий умозрительно заданный уровень той самой «пригодности»? С определениями качества такая гипотетическая процедура согласовывается, с определениями же ценности информации [2, с. 464] и просто ценности (напр., [29]), – нет.

Тем не менее: допустим, что экспертам действительно предложено выразить свои *мнения о пригодности* документов к использованию (принципиально-то в их выдвигании нет ничего из ряда вон выходящего), – но тогда: насколько выполнима такая оценка? Вежливо говоря, ее эффективная выполнимость сомнительна: с одной стороны, *конкретные, частные* мотивы, по которым ученые цитируют *именно эти, а не те* документы, часто остаются загадкой для самих цитирующих ученых [74, р. 615]³⁶. Но если эти мотивы цитирования отдельных документов не удастся выявить и *post factum* [75, с. 70], как предсказать, какие конкретно из подобных документов найдут обильное (или какое-либо) использование?! При этом естественнее ожидать бóльшего обилия ссылок на «мэйнстримовые», легко понятные статьи, написанные в русле привычных представлений, нежели на уникальные работы с абсолютной новизной: ведь их еще надо понять, к ним еще надо привыкнуть. Но эксперт, которому предложено одновременно оценить «уникальность», «новизну» и «пригодность к использованию», скорее всего, поставит «бóльшую пригодность» работе с бóльшей новизной. И опять же – повторять не устану и процитирую более полно, чем это делал выше, – «кто может сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? Кто возьмет на себя столь огромную моральную ответственность перед наукой? <...> Таким судьей может быть только общественная практика» [3, с. 167]. Этот же текст – факт знаменательный! – цитирует и В.А. Минкина [33, с. 113], дополнив цитату справедливым замечанием о том, что экспертная оценка «обладает <...> недостаточной объективностью результатов» [*Там же*]. Так или нет, а невозможно всерьез предсказывать «пригодность к использованию», если сами *уже процитировавшие* определенные источники ученые не могут объяснить, почему они выбрали именно эти документы...

³⁶ Вообще документы цитированы, потому что были использованы. Но почему вольный или невольный выбор пал на *эти* работы, если с точки зрения постороннего наблюдателя, а то и самого автора, рядом лежали документы равного достоинства с процитированными?!. Причина ясна, но как выявить *мотив*?!

Каковы еще возможности *оперативной* оценки «ценностных свойств» документов (т.е. оценки *до* их использования)? Весьма умозрительно, весьма гипотетически можно, конечно, представить себе процедуру контент-анализа, позволяющую оценить «уникальность», «актуальность», «новизну» и «информативность» документов. (Оценка же «оригинальности», – развивая сказанное в [33, с. 119]³⁷, практически прямо предполагает использование контент-анализа, но «оригинальность» не входит в перечень составляющих ценности согласно определению словаря «Библиотечный фонд» [70, с. 144].) Однако, если бы контент-анализ для оценки «уникальности», «актуальности», «новизны» и «информативности» был сегодня практически выполним, мы имели бы системы такой оценки документов по их «ценности», понимаемой как комбинация названных свойств, которые в обыденности своего распространения были бы подобны Web of Science или Scopus, и которые полностью заменили бы человека в первичной оценке едва ли не *любого* научного документа; при этом опубликованные документы проходили бы фактически своеобразную «фильтрацию» в этой системе (подобную присвоению квартилей журналам), а рецензирование стало бы автоматическим. Но это явно выглядит как утопия. Или, скорее, как антиутопия: ведь «перспективой» такого развития был бы тупик, т.к. программы автоматической оценки, основываясь на «вчерашних» установках, «зарубали» бы все непредсказуемые с позиций вчерашнего знания (и, соответственно, данными программами не предусмотренные) решения, включая и по-настоящему прорывные. Ну, и с теми определениями ценности информации и просто ценности, которые не вызывают у меня внутреннего сопротивления, но служат источником вдохновения, указанная гипотетическая процедура контент-анализа не согласуется. (С оценкой качества, напротив, она ассоциируется легко.)

Оценка использования ассоциируется у библиометриста с оценкой не мнений, а объективных данных по состоявшемуся факту. Потому-то и учитывается им количество ссылок, книговыдач и т.п. И если адекватность каких-либо из избранных индикаторов оценки использования может вызывать сомнения – напр., «альтметрические» предложения учитывать для этого закладки и лайки, – то конкретность, объективность существования подсчитываемых объектов и при этом сомнений не вызывает.

Итак, в определении [70, с. 144] имеются как бы две самостоятельных разнородных части: одна из них касается «ценностных свойств» («степень новизны», «информативность», «уникальность», «актуальность»), определяемых *a priori* – экспертным путем или путем привлечения индикаторов, отражающих «условия их создания», которые не имеют адекватных и однозначных соответствий отображаемым «ценностным свойствам», – а вторая – *собственно ценности*, как свойства, проявляющего себя в использовании документа. «В одной упряжке» эти пять составляющих

³⁷ «Изучение оригинальности документов возможно и через анализ терминологии, используемой авторами». Обратим внимание на это «и»: данный подход, согласно [33], – не единственный. Однако, «анализ терминологии» – это зона эффективного применения контент-анализа.

выглядят, мягко говоря, странно. Конечно, в определении буквально речь идет не о состоявшемся использовании, а о *пригодности* к нему, и организовать экспертную оценку «пригодности к использованию» *технически* также вполне возможно. И логика к включению в этот ряд именно «пригодности», как я пытался показать выше, есть. Но выше уже также говорилось: то, что возможно технически, не всегда дает на практике осмысленный результат. А что касается определения «пригодности к использованию» документов, исходя из «условия их создания», то ни в [33], ни в [36], данный вопрос даже не рассматривается. С «пригодностью к использованию» не ассоциируют «информационную ценность» (которую они не дробят на составляющие) и авторы работы [35]. Что же касается [34, с. 64], то содержащаяся на цитируемой странице названной работы таблица³⁸ содержит шесть «информационных характеристик» («актуальность», «оригинальность», «точность», «оперативность», «полнота», «достоверность»), связанных с созданием документа, но, что касается его *использования*, речь там идет об использовании *состоявшемся*³⁹: в качестве «информационной характеристики» названы «сведения об интенсивности использования документа» (выделено мной – *В.С.Л.*), а не о его «пригодности к использованию». (Да и как такие представить? «Пригодность к использованию» – само это понятие суть вполне синтетическое: ведь на него будут указывать *все* приведенные в [34, с. 64] характеристики.) Кроме того, таблица содержит такую характеристику, как «сведения о частоте отражения документа в научно-вспомогательных указателях литературы», которая, как и сведения об использовании, также может быть получена только отсрочено, после (порой значительно позже) выхода документа в свет⁴⁰.

Итак, рассмотрение определения из словаря «Библиотечный фонд» 2018 года [70, с. 144] не привело изменению условного промежуточного определения проекта ценности документа.

«Но ведь определения ценности документа существовали и раньше!»

Действительно, они существовали; соответствующие концепции развивались в рамках библиотечного фондведения. Соответствующие

³⁸ Такая же есть и в статье Т.А. Егеревой [36 с. 125].

³⁹ О чем также упоминалось.

⁴⁰ Я не критикую, а констатирую. Глубоко уважаю прочую известную мне часть научного наследия покойной Валентины Альфредовны Минкиной. Да и идея о подходе к оценке потенциальной ценности научных документов, исходя из «условий их создания» выглядела тогда весьма соблазнительно, причем сам я также в свое время отдал ей дань: смотрите (точнее: *не смотрите*) мою статью [76] и два ее продолжения; также эти идеи «просочились» в важную для меня и в остальном, как мыслится, полезную мою работу [77], – к счастью, не получив в ней большого развития. (Однако, при этом я – подобно авторам [35] – практически не выходил за пределы оценки характеристик *ссылок в цитирующих статьях*: такой подход был реально осуществим и с точки зрения набора однозначных данных и с позиций поиска/выработки эталонов.) И соблазнительность подхода, представленного в работах [33; 36; 35], понятна: ведь он ассоциировался с возможностью более оперативной оценки ценности документов, нежели при оценке «по использованию». Оставалось лишь понять, что оценке подвергалась *не ценность*.

ссылки приведу позже, а пока укажу, что ни один известный мне специалист в области библиометрии (наукометрии) на эти работы не ссылался никак их не принимал во внимание в своих разработках⁴¹. Что, в принципе, неудивительно хотя бы потому, что если мы, метристы, в общем, твердо стоим на том, что «сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет» [3, с. 167] – невозможно, что моральная ответственность перед наукой за такую оценку – неподъемна, а соответствующим «судьей может быть только общественная практика»⁴² [Там же], – то в рамках соответствующей концепции библиотечного фондирования «ценность приобретаемой (сохраняемой в фонде) книги» [78, с. 77] вводится как *критерий качества комплектования фонда*, т.е. применительно к приобретаемым книгам она должна определяться *априорно*. Ценность книги при этом ассоциируется с утверждением о том, что «книга нужна лишь в том случае, если она нужна для решения стоящих перед библиотекой задач, представляет интерес для читателя» [Там же]. «Нужна для решения задач» – значит, будет использоваться в их решении; «интерес же для читателя» проявится в обращениях читателей к этой книге и/или обещаниях таких обращений. На фоне априорности оценки речь явно идет об оценке *потенциального* использования документа.

Далее утверждается, что «понятие ценности довольно сложно» [Там же] и называются ее составляющие: «информативность содержания» и «степень соответствия книги профилю фонда» [78, с. 78]. Что же есть «информативность документа»? она определяется как «характеристика документа, выражающая его способность удовлетворить определенную информационную потребность» [69, с. 103]. Гм! То есть, так сказать, «потенциальная пертинентность»⁴³, да еще и определяемая не пользователем, а посредником; реально ли это?.. Согласно же самого цитируемого учебника [78, с. 78], о наличии «в произведении достаточного количества научной (художественной, эстетической) информации судит, опираясь на собственное знание существа темы, научный ценз и известность автора, престиж издательства <...>» [Там же] и много еще на что. Формальные признаки и привлечение экспертов-читателей, о котором также упомянуто, – весьма приемлемы, но вот «собственное знание существа темы»... То есть как: стоит НИИ, а в нем библиотекарь судит о книгах компетентнее всех работающих в нем ученых, так, что ли? Требуется ведь согласно букве едва ли не именно это, но это явно невозможно. А будь это возможным – НИИ закрыли бы за ненужностью, заменив его этим библиотекарем.

Последние мои три фразы близки к сатире, но проблему «принятия» этого подхода метристом, работающим с формальными маркерами, она выражает вполне. Изъяны фондоведческой концепции, полагаю, – тоже. Знаменательно, что в цитируемом учебнике, будучи введенным именно как

⁴¹ Надо ли говорить, сколь сильное искушение улизнуть от их обсуждения испытывал и я? Но «назвавшись груздем»...

⁴² Большие массивы ссылок, безусловно, являются ее разновидностью.

⁴³ Не релевантность: речь именно о соответствии *потребности*, а не запросу.

понятие «ценность *книги*», т.е. *документа*, это понятие обозначается затем в предметном указателе учебника как «ценность *фонда*» [78, с. 292, 289]. Заметим эту расплывчатость и идем дальше. Видим: в учебнике «Библиотечный фонд» 2015 года [79] приведено фактически два определения ценности. Первое [79, с. 117] помещено в параграфе «критерии ценности библиотечного фонда», но из контекста абсолютно ясно, что речь в определении идет о ценности *документа*. Есть и второе, приведенное в «гlossарии». В нем прямо указано, что оно относится к документу. Оно гласит, что ценность документа суть «свойство информативной составляющей документа, характеризующее актуальностью, степенью новизны, богатством содержания, пригодностью к практическому использованию в различных областях деятельности для достижения определенной цели. Восприятие ценности пользователем и фондистом субъективно, оно зависит от потребности в данном документе в данный момент, степени информационной подготовленности к восприятию документа и других факторов. Задача фондиста заключается в умении предвидеть при отборе <...> степень ценности документа для основной массы пользователей» [79, с. 381–382].

Выполнима или нет «задача фондиста» (см. о выполнимости выше), к самому свойству документа она не имеет отношения. Что же до свойства, мы видим как уже знакомые «составляющие» («ценностные свойства» [33]), так и знакомое же указание на необходимость оценки пригодности к применению, т.е. потенциального использования документов. А указание на зависимость ценности от потребности в документе и от способности (подготовленности) читателя к его восприятию – это указание на факторы, опять же связанные с *возможным использованием* документа. (Если понимать все это буквально, то как их с приемлемой точностью предвидеть фондисту?) Но, как бы то ни было, мы сейчас видели определение, во многом подобное приведенному в словаре-справочнике «Библиотечный фонд» [70, с. 144], и остальные мои комментарии можно переносить из вышеприведенных комментариев к нему.

Разбирая эти определения, хочу обратить внимание: «ценность приобретаемой (сохраняемой в фонде) книги» [78, с. 77] вводится как критерий *качества* комплектования фонда, но относится все-таки к документу. Однако, в предметном указателе учебника это определение относится уже к «ценности *фонда*» [78, с. 292, 289]. Возникает вопрос: «ценность» документов (каким-то образом *априорно* оцененная) суть критерий «качества» фонда или «ценность» фонда тождественна его качеству?! Возможен и третий ответ: «ценность фонда» – это то же, что «ценность документов». Он и прост и вполне логичен: ведь и документы, и фонд – их собрание – созданы *для читателя, пользователя*. Но отчего тогда имеет место такая терминологическая чехарда? В рассмотренных толкованиях ценности есть некоторая неуверенность, относятся ли они к документу или фонду [78, с. 292, 289; 79, с. 117, 381–382]. Казалось бы, это не важно, т.к. фонд состоит из документов и назначение у них бы сходное,

однако, далее мы увидим, что эта расплывчатость граней имеет свое значение.

И перед тем, как рассмотреть еще определения ценности, созданные в рамках фондоведения, хочу предложить свое гипотетическое объяснение такого смешения оценки документов и фонда. Понимаю, что открыт для обвинений в дилетантизме: я ведь никоим образом не фондовед. Однако, другого объяснения сегодня нет, а столь многим моим коллегам-метристам вопрос не то, что о сущности, но и о наименования свойств изучаемых нами документов – безразличен. Поэтому, хочу я этого или нет, а продолжаю...

Относительно понятия ценности документа: предположение, основанное на аналогии

Изучение ценности документов основано на изучении их использования. Это – пусть и с оговорками и не в качестве единственного пути постижения данного свойства – признают и фондоведы. Поэтому совсем не лишним смысла представляется рассмотрение по аналогии ситуации с различной трактовкой понятий «использование документа» и «использование *фонда*».

Начну с недоразумений, связанных с пониманием использования в среде метристов. Сегодня существует такое понимание, согласно которому «использование возникает, когда пользователь оформляет запрос на обслуживание, относящийся к определенному научному ресурсу, в конкретную информационную службу» [80, р. 6]. То есть в определении *использования* говорится исключительно о *запросе* (его предваряющем); о самом же *использовании запрошенного пользователем* в этом определении не говорится ровно ничего.

Более того, хотя, опираясь на данное определение, изучают использование конкретных *документов* и их организованных совокупностей (включая журналы), в нем ничего не говорится о том, что это – использование именно *документа*. Запрос относится «к определенному научному ресурсу» – таким ресурсом может быть, к примеру библиотечный фонд или на месте такого ресурса может быть библиотечный фонд⁴⁴... Как же понимают «использование библиотечного фонда»?

«Наиболее старое его определение, известное мне, гласит, что “использование библиотечного фонда” – это *предоставление* читателю библиотеки и *библиотекаря* печатных документов для идеологической, научной, информационно-библиографической и общеобразовательной

⁴⁴ Кто, возможно, скажет, что это – хромая аналогия, т.к. ситуацию с использованием электронного ресурса я переношу на «традиционный» библиотечный фонд. Однако такие подходы пришли именно из «старых» библиотек: мне уже доводилось писать о точках «зрения [81] и [82] на использование научного журнала как на любое действие над ним, имеющее целью ознакомление с его содержанием читателей, причем – могущее быть осуществленным как читателем, так и посредником (библиотекарем, библиографом)» [17, с. 13]. «Мало того, авторы [81] и [82] считают, что использование осуществляется не только при выдаче журналов читателю, но и при введении библиографических описаний его публикаций в каталог, при осуществлении перевода статей; при их аннотировании» [17, с. 13]. Здесь говорится о журналах, хранящихся в самом «традиционном» библиотечном фонде, а подход к изучению их использования сходен.

работы [5, с. 58]. Здесь документ “предоставлен” – и не обязательно читателю – но собственно о *его использовании читателем* речи нет... (Именно это так и изучалось использование журналов в уже упомянутых [81; 82].) Наиболее же свежее известное мне официальное определение использования библиотечного фонда гласит: “Использование фонда определяется как отношение числа документов, *затребованных* в определенный период времени, к общему количеству документов в фонде” [83, с. 59]. И вновь – определение “использования”, осуществленное через запрос» [17, с. 10]. (В цитатах выделены мной сейчас курсивом слова “предоставление”, “библиотекарь”, “затребованных” – В.С.Л.) «Использование» (но фонда) согласно определению здесь «заканчивается» *до того, как использование документа читателем начинается*. Получается, что после того, как документ вышел из фонда, «использование фонда» завершилось, а чтение выданного документа – это уже использование именно *документа*. (Формально и это логично: хотя документ и является составляющей фонда, но теперь он рассматривается в отчуждении от него.) Итак, конкретно в рассматриваемой цитате «предоставленный» (вышедший из фонда) – и не обязательно читателю – документ, свидетельствует об использовании фонда, но собственно о *его использовании читателем* (так сказать, «на входе в читателя») при этом и речи нет...

Но продолжаю самоцитирование. «А вот как определен термин “использование фонда” в терминологическом словаре “Библиотечное дело” 1997 года: “ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНДА. Обращение пользователей к документам, имеющимся в библиотечном фонде. Служит главным критерием соответствия фонда информационным потребностям абонентов и читательским интересам. Измеряется многочисленными показателями, основные из которых – книгообеспеченность, книговыдача, обращаемость фонда, читаемость” [84, с. 49]. Из этого определения использования *фонда* мы также ничего не узнаем о конкретном, реальном использовании *документов*, выданных из фонда⁴⁵. Возможно, это нормально, когда объектом нашего интереса является *сугубо* фонд (совсем в этом не уверен), но такая ситуация не может считаться удовлетворительной применительно к определению использования документа. А ведь вольно или невольно, но «прогрессивное» понимание <...> использования документов как <...> как их предоставления⁴⁶, кроется в *старом* понятии «использование библиотечного фонда», причем неверно воспринятом» [17, с. 10]⁴⁷.

⁴⁵ Кроме того, неверным терминопотреблением является выражение «главный критерий». Среди совокупности *показателей*, указывающих на свойство объекта, выбирается один, ведущий («наиболее адекватный», *главный*) *показатель*, который и называют *критерием*. Просто критерием, т.к. он – один [72].

⁴⁶ Использование определяется и как «просмотр загрузок» [85]; а ведь возможно, что загруженный документ будет лишь *бегло* просмотрен; возможно, что к тексту документа обратятся лишь для того, чтобы убедиться, что он не нужен... В любом случае речь здесь может идти лишь об оценке *потенциального* использования (той самой «пригодности документа к использованию»?).

⁴⁷ После публикации работы [17] я прочитал в словаре 2018 года, что использование фонда – это «обобщенная характеристика степени обращения пользователей к документам, имеющимся в библиотечном фонде <...>» [70, с. 59]. Возможно, применительно к фонду все логично, но процесс, характеризующие понятие «использования» вновь завершается *до того, как начинается*

Итак, при изучении «использования» библиотечного *фонда* изучают некие действия по отношению к *отдельным документам*, которые использованием самих документов еще не являются. Но тогда понятно, что при изучении именно документов, являющихся частью фонда, может произойти и порой происходит определенный перенос понятия использования одного объекта на другой, где это понятие должно иметь другое содержание. И в [17] я пытался, в частности, показать, что «корни современного ошибочного понимания «использования документов» как их получения, предварительного беглого просмотра или зачатки могут быть понятны, если обратиться к старому библиотечному понятию «использование библиотечного фонда».

Написал «старому», но стоит подчеркнуть: *по сути* неизменному. Определение 2015 года мало чем отличается от цитированного выше определения 1997 года: **«Использование фонда – обобщенная характеристика степени обращения пользователей к документам. Изменяется показателям книговыдачи, обращаемости, читаемости. Применяются также экспертные оценки и специальные методы, позволяющие судить об эффективности использования фонда. По степени использования различают активные и пассивные части фонда»** [79, с. 356]. (Цитируемость не упомянута.) Определение 2018 года [70, с. 59] отличается от него незначительно: первая фраза совпадает, третья по существу полностью совпадает со второй (формальное и отрадное отличие в том, что появляется термин «документ»!), Четвертая и пятая фразы полностью совпадают с третьей и четвертой из определения [79, с. 356]. А вот и отличие: во втором предложении. Здесь сказано, что «использование фонда» «служит главным критерием оценки пертинентности фонда, его соответствия информационными потребностям и интересам пользователей» [70, с. 59]. И эта формулировка вызывает острое сопротивление: ведь соответствие информационной потребности (а не запросу) – это то, что ясно видно *пользователю* документов [86; 62, с. 40], а не *посреднику*; последний оперирует релевантностью (соответствием *запросу*) [86; 62, с. 40]. Да, пертинентность документа, отображается в библиографических ссылок на документ [62, с. 41], но этот метод в определении «использования фонда» не назван. (Если он «скрыт» среди «специальных методов», то и это вызывает серьезнейший вопрос «почему?!»: ведь применительно к оценке именно пертинентности *этот* метод окажется ключевым [62, с. 41].)

Подведем некоторые очевидные итоги: документ – составляющая фонда, *фонд состоит из документов*. Более того, *фонд оценивают по обращениям к документам*. Конечно, понятия фонда и документа вряд ли смешиваются в сознании фондоведов, но вот с учетом названных обстоятельств легко ли им увидеть использование документа «в отрыве» от фонда: скажем, когда, документ лежит на рабочем столе исследователя и

(предположительно; оно может и не состояться) *использование пользователями документов*, к которым до этого состоялось их обращение.

ссылка на него вносится в рукопись статьи? И стереотипы оценки фонда (через документ!) «переползают», возможно, и на практику оценки самих документов⁴⁸.

Лично я вижу здесь аналогию с трактовками *ценности* документа и фонда. Если документ был воспринят только с позиций библиотекаря, занимающегося выдачей документов из фонда (причем не обязательно даже специалисту, на которого рассчитан документ, но и коллеге-библиотекарю⁴⁹), но не с точки зрения специалистов, читающих и анализирующих документы, переосмысливающих их и использующих воспринятую из них информацию в своей научной работе при создании новых научных документов, тогда кажется логичным, что «ценность документа» – это (грубо говоря) его способность быть выданным... и все. И, конечно, на такую способность влияет актуальность тематики, новизна документа и тому подобные свойства. Получается, что, как и в случае с «использованием», фигурируют два фактически разных понятия: «ценность документа для фонда» и «ценность документа для пользователя/читателя». Не берусь и не смею судить, насколько методологически верны подходы к оценке первого понятия и достоверны методики ее оценки, но представляется ясным, что относительно оценки второго понятия их применимость, в лучшем случае, частична (может касаться такого признака ценности, как «способность документа к использованию») и сомнительна... Возможно, для специалиста с более широким и традиционным библиотечным образованием моя аналогия суть банальность или, напротив, нечто неуместное. Возможную ее сырость – ощущаю. Но ситуацию, как мне мыслится, она проясняет. «Со своей колокольни» мне, разумеется, мнится, что при рассматриваемой оценке понятия «ценность фонда» может неправомерно игнорироваться само предназначение научного документа. (И почему фонд должен отбирать документы, ценные *для себя*, а не для читателя?! ведь существует-то он для читателя...)

Продолжение разбора определений ценности научного документа

В свете вышеизложенного, имея в виду возможные различия между ценностью научного документа «для фонда» и «для пользователя», легче понять и воспринять, к примеру, вот такое определение, опубликованное в практическом пособии 2015 года издания: *«Ценность – это предпочтительность одного документа другому по некоторому существенному для библиотеки признаку или их совокупности. Приоритетны*

⁴⁸ Например, в работе [87] хотя термин «использование журналов» никак не был определен, но подразумевались под ним обращения читателей, – *начиная* со снятия журнала с полки, перелистывания его в течение 60 секунд и последующего возвращения на место [87, р. 294]. Эта часть подхода тем и интересна в нашем контексте, что в ней изучается использование журнала *в самом фонде*. «Все это вполне согласуется (формально) с термином «использование библиотечного фонда», нормативными индикаторами которого были книговыдача и обращаемость [84, с. 68; 88, с. 59–60], – и такое понимание было в своих кругах совершенно очевидным» [17, с. 13]. Цитируемость журналов в работе [87] вообще не изучалась.

⁴⁹ См. сноску 44.

актуальность, новизна, научная, производственная, этическая или художественная значимость произведения, его соответствие фонду, а также степень обращения пользователя к документу» [89, с. 268]⁵⁰.

Если бы слова «для библиотеки» не были набраны курсивом в оригинале цитируемого определения, я бы их, цитируя это определение, выделил сам. Нас же, однако, интересует ценность не «для библиотеки», а «для пользователя», поэтому принимаем это определение к сведению и воспринимаем его, прежде всего, как косвенно подтверждающее правоту изложенного в «предположении, основанном на аналогии» соображения о «двух ценностях». Впрочем, косвенно ли? Ведь достаточно ясно, что в этом определении различаются «отношения» документа как с фондом, так и с пользователем («соответствие документа фонду», но «степень обращения пользователя к документу»). Таким образом, рассмотренное определение мы принимать не станем – нас интересует ценность документа *для читателя*, – но в качестве весьма плодотворного источника дальнейших размышлений – запомним. Причем запомним с вполне отрадными чувствами: ведь упоминание в соответствующем «внутрибиблиотечном» контексте о «степени обращения пользователя к документу» [89, с. 268] говорит и о том, что ценное для пользователя – ценно с точки зрения автора и для библиотеки⁵¹.

В определении радует и то, что оно оперирует не «способностью документа к использованию», а «степенью обращения пользователя к документу»... Хотя речь – «всего лишь» об обращении, но все же – об обращении *состоявшемся* (критерий практики здесь отчасти возвращает свои права.)

Еще одним достоинством этого определения является то, что в нем упоминается «предпочтительность». А ведь «предпочтительность» сама по себе вполне приемлемо характеризует ценность *в целом* (ср. с формулировкой «ценность как критерий предпочтения в ситуации альтернативного выбора» [33, с. 111]); именно она-то и проявляется в использовании документа читателем как в результате осознанного или неосознанного выбора. Запомним и это на случай, если в дальнейшем еще доведется работать над определением ценности документа. Правда, сама библиотека использовать документ таким образом, как читатель, не будет; она установит «предпочтительность» путем сравнения документа с некими эталонными признаками⁵²...

⁵⁰ Такое же – в учебнике 2015 года «Библиотечный фонд» [79, с. 117]. (Там оно присутствует наряду с определением «глоссария», рассмотренным мной выше.)

⁵¹ Обращения пользователя к документу отражают «использование для ознакомления» [90] или «потенциальное использование» [91, с. 177, 180; 17, с. 8–10]; следовательно, они также отражают ценность – хотя менее точно, нежели цитируемость [91, с. 184; 17, с. 9].

⁵² Что по сути, как многократно упоминалось, является оценкой *качества* (вспомним краткое определение соответствующих стандартов еще раз: качество – соответствие характеристик требованиям). Между тем, в тексте, комментирующем рассматриваемое определение ценности, есть фраза, которая, на мой взгляд, «опрокидывает» в нем все, кроме указания на «степень обращения пользователя к документу»: «Объективно она <ценность> сохраняется в течение того времени, пока в документе имеется потребность у той или иной группы пользователей. По ее удовлетворении ценность документа резко снижается...» [89, с.

Рассмотренное определение не ново. Так, уже в учебнике 1991 года издания «Библиотечные фонды» [92, с. 82] читаю почти этот же текст, единственным его отличием от процитированного выше является то, что в нем вместо «степени обращения пользователя к документу» говорится о «степени использования абонентами». Но обращения к документам, как говорилось выше, отражают видение библиотековедами «использования фонда», а применительно к самим документам они отражают «использование <документов> для ознакомления» [90] или их «потенциальное использование» [91, с. 177, 180; 17, с. 8–10]. При этом, хотя речь и здесь идет об оценке, приложенной к отдельным документам, из формулировки предметного указателя данного учебника следует, что определяется при этом «ценность фонда» [92, с. 257]. Сама же ценность трактуется как интегральное свойство, предполагающее соответствие документа «приблизительно двадцати объективным и субъективным параметрам одновременно» [92, с. 83] и связывается с осознанием «значимости документа для абонента» [Там же]⁵³. Также оценка ценности предполагает суждения о степени «предполагаемого влияния документа на сознание и деятельность абонента» [Там же]; эта идея не раскрывается.

Что же «в остатке»? Упоминания о «степени использования» и все, что с ним связано – весьма продуктивны. Для решения моих *сегодняшних* задач упорядочения понимания термина «ценность научного документа» я воздержусь от использования «фондоведческих» формулировок в полном объеме. Но еще раз отмечу: рассуждения о «степени использования», о том, что после использования «ценность документа резко снижается» [47, с. 269] – весьма продуктивны, что стимулирует стремление автора следить за развитием соответствующих фондоведческих концепций и в будущем...

Итак, определение?

Итак, в данном эссе предлагается к использованию то определение ценности документа, которое выше излагалось в качестве «промежуточного условного проекта определения», а именно: *«ценность научного документа – это свойство, определяемое степенью его фактического использования в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определенной цели»*. Теперь (в рамках данного текста, естественно) это определение предлагается к использованию окончательно.

269]. Это более или менее соответствует мысли о том, что с прекращением использования документа, он «приобретает» нулевую ценность. Здесь, в цитируемом тексте, она не нулевая, а незначительная, поскольку документ продолжает соответствовать неким «существенным для библиотеки признакам». Но тогда получается, что львиная доля ценности и с позиций фондоведа определяется использованием!

⁵³ «Значимость» – синоним «важности» [41; 17, с.7], а «важность» – производное от «важный» [93]. «Важный» же, в частности, – «сильно влияющий на ход событий или природу вещей», «имеющий сильное влияние» [94] или «нужный или имеющий большую ценность», «имеющий большое воздействие или влияние» [95]. Получается, что, говоря о «значимости» документа, мы говорим или вновь о его ценности или о его влиятельности. В работе – пожалуй, ставшей классической [18, р. 70] – говорится, что «важность публикации относится к ее *потенциальному* влиянию на окружающую исследование деятельность».

А где же определение *использования* документа?

В конце предыдущего абзаца можно было бы ставить точку и под всем этим текстом в целом. Но настойчивый оппонент может заявить, что, мол, «все же не очень ясно, а *что такое* «использование документа»? И ведь не ответишь, что это давно ясно из всего изложенного (да и из опубликованного раньше, да и *вообще* ясно), что цитируемость с использованием напрямую отождествляли Е.М. Мирская [30], М.Н. MacRoberts и В.Р. MacRoberts [44], А.Ф.Ж. van Raan [96], Р.С. Гиляревский [97] и многие, многие другие... Нет, слышу я, коли ты – такой зануда, то благоволи-ка дать «использованию документа» *определение*.

А необходимость-таки в нем есть. Так, например, хотя абсолютно нелогична позиция, предполагающая, что обращения отражают использование документов, а цитируемость – нет, сегодня и разработчики базы данных Web of Science *сами* называют использованием именно обращения к документу (а то и просто к его реферату и ключевым словам), а цитируемость (т.е. *именно то*, ради чего и создавался предшественник Web of Science – Science Citation Index) использованием в базе данных Web of Science не называется (!!!). А еще время от времени появляются мощно выглядящие работы, утверждающие, что существует множество причин (целей, функций) цитирования, среди которых «использование» называется лишь наряду с другими [60, р. 45; 61; 62]. Так что наличие признанного определения могло бы в какой-то мере стать «противоядием» подобным тенденциям.

Но признанному определению должно предшествовать хотя бы дискуссионное. В этой связи для начала вновь приведу цитату из собственной статьи [17], в которой фактически предлагается определение использования документа, и которая могла бы снять ряд вопросов: «во-первых, использование, разумеется, включает в себя прочтение (а не беглый просмотр) документа, но не сводится к нему. Во-вторых, *под использованием понимается не прочтение “для ознакомления”, но включение содержания прочитанного в содержание создаваемого (цитирующего) документа*. Грубо говоря: нет создаваемого документа – нет и реального использования. Если играть словами, можно сказать “нет возможности оценить использование”, но мы предпочитаем предыдущую формулировку, поскольку предварительное обдумывание идеи на основе прочитанного документа не только не подтверждается явными документальными индикаторами, но и не обязательно приводит впоследствии к созданию научного результата. <...> При этом <...> учет поисковой читательской деятельности – отражает *потенциальное использование* – даже, пожалуй, *предполагаемое*. В работе [6] мы определяли реальное использование как “*сравнение и усвоение идей или методов, их обсуждение (включая опровержения!) в конкретной творческой работе пользователя* <...>. С этой точки зрения чтение для ознакомления, за

которым не следует конкретное вовлечение прочитанного материала в конкретную творческую работу, не является реальным использованием, но лишь предпосылкой к нему” [6, р. 8]» [17, с. 9] (первое и последнее выделения курсивом в этом отрывке сделаны мной сейчас – В.С.Л.).

В свете вышеизложенного можно добавить: когда документ выходит из фонда, это означает «использование фонда» (его завершение) и «потенциальное использование документа» читателем. Когда читатель знакомится с документом, создается предпосылка к реальному использованию (которую можно назвать «использованием для ознакомления» [90] или говорить о каком-то «первичном», «предварительном», – даже «предполагаемом» – использовании). Ну, а когда происходит, так сказать, «выход документа из пользователя» – сиречь его цитирование, – документируется использование реальное, состоявшееся. А по различной «степени использования» документов (помните?) определяется уровень их ценности.

Хорошо, ответит оппонент, но чеканной четкости пока маловато. И все это – не словарные определения. Что ж, четкость придет в дальнейших работах, а попадание в словари от автора ли зависит? Сегодня в словарях по библиотечному делу *нет никакого* определения понятия «использование документа», а в известных мне философских словарях нет определения понятия «использование». Нет определения понятия «использование документа» или «использование» в словаре по библиометрии V. Diodato [21]. Так что придется пока довольствоваться моим определением – первичным, неофициальным, дискуссионным, проектным... И верифицировать его придется с помощью обычных словарей.

С этой целью открываю интернет и читаю: «**ИСПОЛЬЗОВАТЬ** <...> Употребить (употреблять) кого-, что-л. для какого-л. дела, найти (находить) применение кому-, чему-л.». <...> **Источник (печатная версия):** Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; **(электронная версия):** [Фундаментальная электронная библиотека](#)» [101]. Ясно, что этому значению соответствует и «использование документа», отраженное в его цитируемости и, вероятно, «использование», понимаемое как чтение документа. Но вот подача заявки на электронную копию, электронные закладки... во всех этих случаях, называемых рядом моих коллег столь охотно «использованием», *использование не просматривается*: ведь (в сотый раз повторяю) не ясно даже, будет ли документ хотя бы прочитан. Вообще странно, что для прояснения этого вопроса ряду специалистов мало здравого смысла; а, между тем, уже на его уровне есть недурные формулировки. Вот, например: «Вообще говоря, процесс цитирования во многом близок к процессу обращения к информационным источникам: и в том и другом случае можно говорить об “использовании” информации — или для написания собственной работы или для простого ознакомления с публикацией» [102, с. 8]. Никакой дальнейшей аргументации, – а всех устроило. (А цитата, между прочим, из диссертации.)

Заметим: и здесь «использование» начинается с «ознакомления с публикацией». Но не до него.

Но будем педантами и возьмем определение также из англоязычного словаря [103]. И что ж? Если принять его формулировки о том, что использовать – это “прилагать что-то, например инструмент <...>, для определенной цели” или “воспользоваться человеком или ситуацией; эксплуатировать”, то усвоение содержание цитируемых документов при цитировании исследовательских работ выглядит гораздо в большей степени использованием, чем просто их просмотр или тем более загрузка.

При этом «я действительно считаю, что научную публикацию можно рассматривать как инструмент. Это, конечно, не “человек или ситуация”, но цитирующий вполне может воспользоваться этим как инструментом, например, поместив свое собственное исследование в благоприятный когнитивный контекст, интерпретировав неоднозначные результаты как подтверждающие его / ее точку зрения, убедив коллег в своей собственной правоте с помощью ссылок на аналогичные результаты, полученные более авторитетными авторами... Некоторые из вышеперечисленных действий авторов с цитируемыми работами можно было бы назвать и “эксплуатацией”» [104, p. 32].

Нужно ли было ломиться в столь открытые двери? А как иначе опровергнуть вот такое, например, построение. В работе [99 p. 97] R. Jha с соавторами исповедуют (используя внешне убедительную аргументацию) следующую схему классификации целей цитирования: ссылки “критикующие”, “для сравнения”, “подтверждающие использование”, “обосновывающие”, “фундаментальные”, “нейтральные”. “Использование” здесь – один из ряда вариантов. Но в действительности “использование” в этой серии – вопреки замыслу авторов – выглядит не просто как еще одно понятие, оно выглядит *обобщающим* понятием. Критика, сравнение, подтверждение, обоснование – все это частные случаи использования. Действительно, легко представить себе использование цитируемого документа для сравнения или для обоснования, для критики оппонентов или для подтверждения своей правоты, но, напротив, трудно представить “чистое” использование документа без какого-либо дальнейшего уточнения характера имевшего место использования. По-видимому (“чистым”) “использованием” R. Jha и соавторы [99] могут обозначать единственный его вид: когда авторы цитирующей статьи непосредственно воспроизводят метод, описанный в цитируемой статье. R. Jha и соавторы [99] заявили, что “цитирующее предложение классифицируется как “использование”, когда цитирующая статья использует метод, идею или инструмент из цитируемой статьи” [99, p. 97], но если мы можем использовать метод путем его воспроизведения, то как мы можем “чисто” использовать идею? Если мы ее украдем, – это использование... но цитирования не будет. Но если мы идею процитируем, то это будет либо “сравнение”, либо “обоснование”, либо “фундамент”. И, кстати, в приведенной ниже формулировке R. Jha et al. проговорились, что “фундамент” – это своего рода “использование”:

“Цитируемое предложение классифицируется как “фундамент”, когда автор *использует* цитируемую работу в качестве отправной точки или мотивации и развивает цитируемую работу” [99, р. 97] (выделено мной – *В.С.Л.*). Ведь эту мысль без слова «использование» и не выразишь! Что после этого остается от отказа признавать использование единственной *причиной* цитируемости?! Правда, авторы [99] говорят не о причине (“cause”), а о цели (“purpose”), но как можно говорить о *цели цитирования* всерьез, если сами цитирующие ученые таким вопросом не задаются и объяснить мотивы цитирования не могут [74, р. 615; 75, с. 70]?! Естественно, что имея это в виду воспринимаешь “purpose” как синоним “reason” и полагаешь, что авторы [99] имели в виду, что, помимо использования документа, для его цитирования существуют и другие причины.

Зато слово “causes” используют авторы обзора I. Tahamtan и L. Bornmann [100] (наряду с “motivations” и “functions”). В этом обзоре, названном «Что измеряет количество цитирований?» рассматривается отнюдь не причина цитируемости и не отображаемое свойство, как следовало бы, казалось, ожидать из названия, и как можно было бы ожидать, исходя из употребления слова “causes”. Рассматривались классификации ссылок, отражающие их различные функции с подводом читателя к выводу о том, что ‘невозможно узнать, что измеряет количество ссылок, до тех пор, пока мы не применим анализ содержания и контекста цитируемого материала’ (хотя количество ссылок в любом случае будет отражать использование). Далее вопрос о причине цитирования заменялся вопросом о *мотивах* цитирования, а то и предлогах для него⁵⁴. Мотивы (и предлоги) действительно многочисленны; их трудно различить со всей определенностью и невозможно различить со всей однозначностью; так, работы Брукса [106; 107] продемонстрировали, что 70% цитат, изученных этим автором, были вызваны несколькими мотивами одновременно. Также было отмечено, что “мотивы предоставления (или непредоставления) ссылки на конкретную статью могут значительно различаться” [108, р. 26], что мотивы цитирования сложны [107]. Следовательно, если рассматривать не причину (использование), а мотивы или предлоги в качестве непосредственных атрибутов, соответствующих количествам сделанных на научный документ ссылок, то практически невозможно выделить такую характеристику цитируемого документа, с которой цитируемость имела бы причинно-следственную связь. Но каким бы сложным ни был *мотив* цитирования, *причина* для цитирования остается той же, а именно использование (цитируемого) документа. Независимо от того, сколько было мотивов цитировать один и тот же документ в одно и то же время, причина для этого снова остается той же, и этой причиной является использование.

Между тем, несмотря на цитируемую в [100, р. 1636] формулировку “каким образом цитируемая статья была использована в цитируемой статье“, которая, по-видимому, невольно указывает на то, что цитируемая статья

⁵⁴ И не только в этой работе. См. тж. более ранние работы, напр. [105], уже цитировавшуюся [98]...

всегда является используемой, ниже Tahamtan & Bornmann [100, p. 1654] отдельно рассматривают “использование” как (просто) часто используемую и популярную функцию в схеме классификации нескольких соответствующих исследований, полностью ассимилируя подход R. Jha и др. [99], о котором говорилось выше... Все это и указывает на важность – в приложении к библиометрии (наукометрии) – кропотливого постижения внешне «очевидных истин».

Завершу – и этот раздел, и все эссе – вот каким «прощальным поклоном». Уже упоминавшийся мной А.А. Крулев [26] пытался ставить под сомнение тезис «цитируемость отражает использование» и с помощью того соображения, что масса цитируемых работ цитирующими авторами *в действительности* не использовалось, а были произвольно приписаны за счет их переписывания из публикаций других специалистов. Что ж, это – *фальшивые ссылки*, но подделка не отменяет и изменяет принцип, согласно которому функционирует оригинал. Мы ведь не утверждаем, что фальшивые купюры ставят под сомнение смысл монетарной системы, мы ведь не призываем отказаться от современной монетарной системы из-за того, что существуют фальшивомонетчики [28, с. 11]. Просто? До банальности. Только вновь нужно было включить благословенный здравый смысл.

Что делать (далее)?

Прекрасно отдаю себе отчет, что следует продолжать «долбить» в этом направлении. Так, давно потерял счет статьям, которые – после выхода моих работ [73; 59; 109] – серьезно стоят на позициях наличия причинно-следственной связи между *качеством* научного документа и его последующей цитируемостью⁵⁵. Но это – так сказать, общая задача. А если задаться вопросом «Все ли обсуждаемое в данном эссе было обсуждено с должной полнотой, и какие вопросы подлежат дальнейшему развитию?», – то какие задачи возникнут перед автором тогда?

Сегодня я имею такие ответы на этот вопрос. Во-первых, определение «использование научного документа», приведенное здесь, будучи интуитивно понятным, все же нуждается в более строгой формулировке, дальнейшей проработке. При этом недурно было бы вписать его в контекст более общего «использования документа» (любого). Очевидная в своем решении или нет, такая задача здесь даже не ставилась.

Также нуждается в большей строгости разбор различий между использованием *документа* и использованием библиотечного *фонда* или любой другой документной коллекции или ресурса, которая имеет с библиотечным фондом принципиально одинаковую схему⁵⁶. Говорю при

⁵⁵ Можно ли принимать такую точку зрения, ничуть не озаботившись определением рассматриваемого свойства?! Между тем, за редчайшими исключениями, именно так и происходит. Похоже, эти авторы и опровержения «нормативной теории цитируемости» – фундамента таких обоснований – не заметили.

⁵⁶ Особенно остро нужен разбор «парадоксальных» ситуаций, когда фонд (коллекция, ресурс) *явно* использован, а документ, на основании обращения к которому, вынесено такое суждение, – нет.

этом о точке зрения именно библиометриста, которая может привести свежее освещение данного аспекта.

Наконец, после рассмотрения вопросов об оценке использования и ценности научных документов с помощью анализа цитируемости на уровне здравого смысла (который бывает и полезнее «теорий цитируемости» [96]) его вообще-то следовало бы рассмотреть и в контексте этих теорий. И автор надеется, что ему еще достанет времени, сил и обстоятельств для решения этих задач⁵⁷.

Список источников

1. Lazarev V.S. On chaos in bibliometric terminology // *Scientometrics*. 1996. Vol. 35, N 2. P. 271–277. DOI: 10.1007/BF02018485.
2. Терминологический словарь по информатике / Международный центр научно-технической информации. Москва, 1975. 752 с.
3. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. Москва: Наука, 1976. 435 с.
4. Столяров Ю. Н. Сущность информации. Москва: ГПНБ, 2000. 120 с.
5. Словарь библиотечных терминов / Под. ред. О.С. Чубарьяна. Москва: Книга, 1976. 224 с.
6. Lazarev V.S. Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment // *International Journal of Information Sciences for Decision Making*. – 1997. № 1 (December). P. 1–17. Mode of access: https://isdm.univ-tln.fr/PDF/isdm1/isdm1a6_lazarev.pdf. Date of access: 20.10.2023.
7. Брокгауз – Эфрон. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии / Под. ред. Е. Л. Радлова. Санкт-Петербург, 1904. 284 с.
8. *Encyclopedia Britannica*, Vol. 18. Chicago – London – Toronto – Geneva – Sydney – Tokyo – Manila, William Benton Publ. 1969. 1011 pp.
9. *Dictionary of Political Economy* / Ed. by R.H.I. Inglis Palgrave. Vol. III, MacMillan and Co., Ltd., London, 1901, Vol. III.
10. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Utilizing All the Experience and Resources of More than One Hundred Years of Merriam-Webster Dictionaries / Editor-in-Chief: Ph.B. Gove. Cologne: Koneman, 1993.
11. *Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language*. Unabridged. 2nd ed. Cleveland and New York, The World Publ. Co. 1968.
12. Философский словарь / Под. ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. Москва: Издательство политической литературы, 1972. 495 с.
13. Molas-Gallart J., Ràfols I. Why bibliometric indicators break down: unstable parameters, incorrect models and irrelevant properties. *BiD: textos universitaris de biblioteconomia i documentació*. 2018. Vol. 40 (juny). Mode of access: <https://bid.ub.edu/en/40/molas.htm>. Date of access: 05.09.2023. DOI: <https://dx.doi.org/10.1344/BiD2018.40.22>.
14. Мотылев В.М. Основы количественных исследований в библиотечной теории и практике. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1988. 196 с.

⁵⁷ Здесь остался неосвещенным также (кажущийся мелким) вопрос об индикаторах использования научных документов в научно-практической деятельности. Должен сказать, что в современной наукометрии внимание ему уделяется нешуточное... но это просто совсем «не моя» тема, и поворота в эту сторону я не планирую.

15. Философский энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-Москва, 2000. 576 с.
16. *Waltman L., Traag V.A.* (2017) Use of the journal impact factor for assessing individual articles need not be wrong // Science, Technology and Innovation indicators: Conference Abstracts, STI 2017: Open indicators: innovation, participation and actor-based STI indicators, Paris 2017, 6-8 September 2017 [E-resource, on a USB flash drive].
17. *Лазарев В.С.* Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. 2017. Т. 42, № 1. С. 3–16. <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>. Дата доступа: 05.09.2023.
18. *Martin B. R., Irvine J.* Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy // Research Policy. 1983. Vol. 12, № 2. P. 61–90.
19. STI 2017: Presentations [E-resource]. Mode of access: <https://sti2017.ifris.org/conference-presentations/#is>. Date of access: 07.09.2023.
20. *Waltman L., Traag V.A.* Use of the journal impact factor for assessing individual articles: Statistically flawed or not? [Submitted on 7 Mar 2017 (v1), last revised 20 Feb 2021 (this version, v3)] [E-resource]. 36 p. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1703.02334v3>. Date of access: 04.09. 2023.
21. *Diodato V.* Dictionary of Bibliometrics. New York, Abingdon: Routledge, 1994.
22. *Лазарев В.С.* Неудовлетворительные определения или смутно понимаемое понятие? Об определениях термина «impact» // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 1. С. 63–78. DOI: [10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78](https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78).
23. *Bornmann L.* Is there currently a scientific revolution in scientometrics? // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2014. Vol. 65, № 3. P. 647–648. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.23073>
24. *Мотылев В.М.* Проблемы количественных исследований в библиотечном деле // Проблемы технического перевооружения библиотек / Под ред. А. В. Соколова. Ленинград: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1983. С. 55–69.
25. *Лазарев В.С.* Библиометрия, наукометрия и информетрия. Часть 1. Возникновение и предыстория // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 4. С. 133–163. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.4.6
26. *Крулев А.А.* Цитирование как форма научной коммуникации // Научные и технические библиотеки. 2020. № 3. С. 79–92. DOI: 10.33186/1027-3689-2020-3-79-92.
27. *Лазарев В.С.* Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают impact // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 2. С. 129–138. DOI: 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138.
28. *Лазарев В.С.* Цитируемость как средство отражения ценности и качества научных документов, результативности учёных, нобелевского уровня исследований / под ред. проф. В.М. Тютюнника. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке; Варна; Ташкент: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2020. 64 с. https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/77539/Citruemost_kak_sredstvo_otrazheniya.pdf?sequence=1
29. *Зозулич М.Ф., Венделева М.А.* Особенности управления информационными ресурсами предприятия // Экономика и эффективность организации производства. Сборник научных трудов по итогам международной научно-технической конференции. Выпуск 9. Брянск: БГИТА, 2008. С. 230–233.
30. *Мирская Е. З.* Механизм оценки и формирования нового знания // Вопросы философии. 1979. № 5. С. 119–130.
31. *Inhaber H., Przednowek K.* Quality of research and Nobel Prizes // Social Studies of Science. 1976. Vol. 6, № 1. P. 33–50. DOI: 10.1177/030631277600600102

32. *Schoonbaert D., Roelants G.* Citation analysis for measuring the value of scientific publications: quality assessment tool or comedy of errors? // *Tropical Medicine & International Health*. 1996. Vol. 1, N 6. P. 739–752. DOI:10.1111/j.1365-3156.1996.tb00106.x
33. *Минкина В. А.* Изучение документальных потоков для определения ценностных свойств технической литературы // *Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1983. С. 111–122.*
34. *Минкина В.А., Рокицкая Э.Е.* Техническая литература как источник информации: Учебное пособие / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. Ленинград, 1979. 67 с.
35. *Уваренко А. Р., Литкевич О. И., Борисовец Л. Ф.* Некоторые критерии определения информационной ценности первичных публикаций в научных журналах // *Научно-техническая информация. Сер. 1. 1980. № 1. С. 13–15.*
36. *Егерева Т. А.* Информационные характеристики технической литературы как показатели ценностных свойств // *Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1983. С. 123–137.*
37. *Virgo J.A.* A statistical procedure for evaluating the importance of scientific paper // *The Library Quarterly*. 1977. Vol. 47, N. 4. P. 415–430. DOI: 10.1086/620723.
38. ISO 9000:2015(ru): Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Quality management systems – Fundamentals and vocabulary. [E-resource.] Mode of access: <https://www.iso.org/obp/ui#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:ru>. Date of access: 26.10. 2023.
39. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. СТБ ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). Взамен СТБ ИСО 9000-2006; введ. 2016-03-01. Минск: Госстандарт; БелГИСС, 2015. 54 с. (Государственный стандарт Респ. Беларусь).
40. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Поправкой) ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (Национальный стандарт Российской Федерации) [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>. Дата доступа: 16.10.2023.
41. Significance. In: Cambridge Dictionary. [E-resource]. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/significance>. Date of access: 28.03.2023.
42. *Garfield E.* Citation indexing for studying science // *Nature*. 1970. Vol. 227, N 5259. P. 669–671. – DOI: 10.1038/227669a0.
43. *Garfield E., Malin M.E.* Can Nobel Prize winners be predicted? // Paper presented at 135th Annual Meeting, American Association for the Advancement of Science, Dallas, Texas – December 26-31, 1968. S.l., s.a. 8 pp. [E-resource]. Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/papers/nobelpredicted.pdf>. Date of access: 06.10.2023.
44. *MacRoberts M.H., MacRoberts B.R.* Problems of citation analysis: A critical review. *Journal of the American Society for Information Science*. 1989. Vol. 40, N 5. P. 342–349. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(198909\)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(198909)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U)
45. *Garfield E.* Can researchers bank on citation analysis? // *Current Contents*. 1988. N 44. P. 3–5. – Reprinted in: *Essays of an Information Scientist*. Philadelphia: ISI Press, 1988. V. 11. P. 354–356. Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/essays/v11p354y1988.pdf>. Date of access: 06.10.2023.
46. *Garfield E.* Quality of impact factors of general medical journals – PRAVDA wins hands down <Unpublished note submitted to British Medical Journal on February 19, 2003> Mode of access: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/bmjfeb192003.html>. Date of access: 03.10.2023.
47. *Garfield E.* Citation analysis as a tool in journal evaluation: Journals can be ranked by frequency and impact of citations for science policy studies. *Science*, 1972, Vol. 178, N 4060. P. 471–479. DOI: 10.1126/SCIENCE.178.4060.471. Reprinted in: *Essays of an Information Scientist*, Philadelphia: ISI Press, 1977. Vol 1, pp. 527–544.
48. *Garfield E.* Significant journals of science // *Nature*. 1976. Vol. 264, N 5587. P. 609–

615. DOI: 10.1038/264609a0.

49. *Garfield E.* Citation indexes for science: a new dimension in documentation through association of ideas. // *Science*. 1955. Vol. 122, N 3159. P. 108–111. DOI:10.1126/science.122.3159.108

50. *Gross P.L.K., Gross E.M.* College libraries and chemical education // *Science*. 1927. Vol. 66, N 1713. P. 385–389.

51. *Madhugiri V. S., Ambekar S., Strom S. F., Nanda A.* A technique to identify core journals for neurosurgery using citation scatter analysis and the Bradford distribution across neurosurgery journals. *Journal of Neurosurgery*, Vol. 119, N 5. P. 1274–1287. DOI:10.3171/2013.8.jns122379

52. *Kondziolka D.* Core journals // *Journal of Neurosurgery*. 2013. Vol. 119, N 5. P. 1271–1272.

53. *Столяров Ю. Н.* Документология: учебное пособие / Московский государственный институт культуры и искусств; Орловский государственный институт культуры и искусств. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.

54. *Konkiel S.* Altmetrics: A 21st-century solution to determining research quality // *Online searcher*. Vol. 37, N 4 (July/August 2013 issue) <https://www.infotoday.com/OnlineSearcher/Articles/Features/Altmetrics-A-stCentury-Solution-to-Determining-Research-Quality-90551.shtml> Date of access: 01.09.2023.

55. *Gilbert G.N.* Referencing as persuasion // *Social Studies of Science*. 1977. Vol. 7, N 1. P. 113–122. DOI:10.1177/030631277700700112

56. *Ион Э.* Некоторые теоретические проблемы эстетического воспитания // Современная прогрессивная эстетическая мысль : [сборник статей] / Отв. ред. М.Ф. Овсянников и др. Москва: Наука, 1974. С. 35–55.

57. *Рытвинский С.С.* Значение цитируемости научных работ в оценке их качества // Научно-техническая информация. Сер.1. 1980. № 11. С. 27–29.

58. *Lawani S.M., Bayer A.E.* Validity of citation criterion for assessing of scientific publication: new evidence with peer assessing // *Journal of American Society for Information Science* 1983. Vol. 34, N 1. – P. 59–66. DOI:10.1002/asi.4630340109.

59. *Лазарев В.С.* «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. Тамбов; Москва; Санкт-Петербург; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2018. 70 с.

60. *Priem J., Hemminger B.M.* Scientometrics 2.0: Toward new metrics of scholarly impact on the social Web // *First Monday*. 2010. Vol. 15, N 7 (5 July 2010). Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/2874/2570>. Date of access: 04.09.2023.

61. *Teplitskiy M., Bakanic V.* Do peer reviews predict impact? Evidence from the American Sociological Review, 1978 to 1982. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2016, Vol. 2, 237802311664027. DOI: 10.1177/2378023116640278

62. *Воверене О.* Оценка функциональной эффективности систем информационного обеспечения НИИ и КБ // Труды информатиков Литвы. Том III / ЛитНИИТИ. Вильнюс, 1976. С. 35–47.

63. *Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В.* Философский словарь: Справочник студента. Москва: Филологическое общество «СЛОВО», ООО «Издательство АСТ», 2002. 704 с.

64. Проверка слова: значение // Справочно-информационный портал **ГРАМОТА.РУ** – русский язык для всех. Адрес доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&all=x>. Дата доступа: 23.10.2023.

65. ЗНАЧЕНИЕ // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9286>. Дата доступа: 23.10.2023.

66. Herzena.ru – электронные словари русского языка (Электронный ресурс). Адрес доступа: <https://herzena.ru/>. Дата доступа: 10.10.2023.
67. Gufo.me (Электронный ресурс). Адрес доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0>. Дата доступа: 10.10.2023.
68. Толковый словарь Дмитриева (Электронный ресурс). – Адрес доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4046/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>. Дата доступа: 10.10.2023.
69. *Фокеев В. А.* Библиографическая наука и практика: терминологический словарь / Науч. ред. Г.В. Михеева. Санкт-Петербург: Профессия, 2008. 272 с.
70. Библиотечный фонд: словарь-справочник / сост. Е.И. Ратникова, Н.З. Стародубова, Л.М. Толчинская ; под. науч. ред. Ю.Н. Столярова. Москва: ИНФРА-М, 2018. 160 с.
71. Жданова Г.С., Колобродова Е.С., Полушкин В.А., Черный А.И. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках. Москва: Наука, 1971. 359 с.
72. *Мотылев В. М.* Содержание и соотношение понятий «показатель» и «критерий» // Советское библиотековедение. 1985. № 1. С. 14—23.
73. *Лазарев В.С.* Можно ли считать уровень цитируемости научных документов показателем их качества? // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение : сборник научных статей / Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа НАН Беларуси ; редкол.: А.И. Груша и др. Минск: Беларуская навука, 2018. – С. 88–103.
74. *Nicolaisen J.* Citation analysis // Annual Review of Information Science and Technology. Vol. 41, N. 1, P. 609–641. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410120.
75. *Бредихин С.В., Кузнецов А.Ю., Щербакова Н.Г.* Анализ цитирования в библиометрии. Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013. 344 с.
76. *Лазарев В.С., Гордиенко Г.П., Карась Г.А., Юнусова Д.А., Насонова Т.Н.* К методике оперативной оценки научной деятельности научно-исследовательских учреждений // Вопросы библиографоведения и библиотековедения: Межвед. сб. Минск: Изд-во «Университетское», 1993. Вып. 14. С. 16–27.
77. *Lazarev V.S.* Citation analysis in the context of nobelistics: citedness figures (An essay of a bibliometrician) // Нобелистика. Науковедение. Информатика: Материалы 5 Международной встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов; 5 Междунар. (7 Тамбовской) науч. конф. "Информатика и науковедение", Тамбов, 17-20 ноября 1998 г. / под. ред. проф. В.М. Тютюнника и доц. Г.В. Горбунова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; Изд-во МИНЦ. 1999. С. 7–18.
78. Библиотечные фонды: / Под редакцией: Ю. Н. Столярова и Е. П. Арефьевой. – Москва: Книга, 1979. 295 с.
79. *Столяров Ю.Н.* Библиотечный фонд: учебник. Санкт-Петербург: Профессия, 2015. 384 с.
80. *Kurtz M.J., Bollen J.* Usage bibliometrics // Annual Review of Information Science and Technology. 2010. Vol. 44, Issue 1. P. 3–64. DOI: 10.1002/aris.2010.1440440108.
81. *Тышкевич Н.И., Сизов Б.И., Дмитриенко И.М.* О принципах централизованного учета использования и распределения средств на приобретение периодики и путях его реализации // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1972. № 2. С. 3–10.
82. *Шулейкин, Н.М., Махотенко Ю. А., Новикова Л.С.* Статистическое исследование эффективности использования фондов // Научные и технические библиотеки СССР. 1979. Вып. 9 (91). С. 17–21.
83. *Полл Р., Бокхарст П. те* Измерение качества работы: Международное руководство по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек. / Секция университетских и других научных библиотек ИФЛА. Публикация ИФЛА 76. М.: Логос, 2002. 151 с.
84. Библиотечное дело: Терминологический словарь / Российская государственная

библиотека. 3-е значит. перераб. и доп. изд. Москва, 1997. 167 с.

85. Altmetrics: A manifesto [Electronic resource]. Mode of access: <http://altmetrics.org/manifesto/>. Date of access: 12.10.2023.

86. Соколов А.В., Федорова Н.С. Исследование эффективности автоматизированной системы избирательного распределения информации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1969. № 11. С. 22–27.

87. Wenger Ch.B., Childress J. Journal evaluation in a large research library // Journal of American Society for Information Science. 1977. Vol. 28, N 5. P. 293–299. DOI: 10.1002/asi.4630280509.

88. Библиотечное дело: Терминологический словарь. Москва, Книга, 1986. 223 с.

89. Столяров Ю.Н. Формирование библиотечного фонда : практическое пособие / МГУКИ. – Санкт-Петербург: Профессия, 2015. – 508 с.

90. Гаева Р.Л., Баунов А.М. Определение информационной ценности некоторых периодических и продолжающихся изданий по некоторым вопросам нефтехимического синтеза // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1978. № 8. С. 20–22.

91. Лазарев В.С. Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий // Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения: Сборник научных трудов / М-во здравоохранения СССР; Науч.-производственное объединение «Союзмединформ» и др. Москва, 1989. С. 173–186.

92. Столяров Ю.Н. Библиотечный фонд: Учебник. Москва: Книжная палата, 1991. 271 с.

93. Importance Definition // Yourdictionary [E-resource]. Mode of access: <https://www.yourdictionary.com/importance>. Date of access: 27.10.2023.

94. Important Definition // Yourdictionary [E-resource]. Mode of access: <https://www.yourdictionary.com/important>. Date of access: 27.10.2023.

95. Important // Cambridge Dictionary. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/important>. Date of access: 27.10.2023.

96. van Raan A. F. J. In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much. Scientometrics, 1998. Vol. 43, N 1, P. 129–139. DOI: 10.1007/BF02458401

97. Гуляревский Р. С. Публикационная активность как оценка научных достижений // Научно-техническая информация. Сер.1. 2014. № 8. С. 1–9.

98. Bornmann L., Daniel H.-D. What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior. Journal of Documentation. 2008. Vol. 64, N 1, P. 45–80.

99. Jha R., Jbara A.-A., Qazvinian V., Radev D. R. NLP-driven citation analysis for scientometrics. Natural Language Engineering. 2017. Vol. 23. N 1. P. 93-130. DOI: 10.1017/S1351324915000443

100. Tahamtan I., Bornmann L. What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018. Scientometrics. 2019. Vol. 121. N 3. P. 1635–1684. DOI:10.1007/s11192-019-03243-4

101. Значение слова «использовать» // КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>. Дата доступа: 20.10.2023.

102. Писляков В. В. Информметрическое моделирование процесса обращения к электронным информационным ресурсам. Дисс. ... соиск. ученой степени кандидата физ.-мат. наук / Казанский гос. университет; НИИ математики и механики им. Н. Г. Чебоксарова. Казань, 2008. 155 с.

103. Use // Cambridge Dictionary. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/>. Date of access: 20.10.2023.
104. Lazarev V.S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 1: Value // University Library at a New Stage of Social Communications Development. 2019. N 4. P. 28–36. DOI: https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187405. Mode of access: <http://unilibnsd.diit.edu.ua/article/view/187405/189295>. Date of access: 26.10.2023.
105. Vinkler P. Comparative investigation of frequency and strength of motives toward referencing, the reference threshold model- comments on theories of citation? // *Scientometrics*. 1998. Vol. 43. N 1. P. 107–127. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02458400>
106. Brooks T. A. Private acts and public objects: An investigation of citer motivations // *Journal of American Society for Information Science*. 1985. Vol. 36, N 4. P. 223–229.
107. Brooks T. A. Evidence of complex citer motivations // *Journal of American Society for Information Science*. 1986. V. 37, N 1. P. 34–36.
108. Handbook of Quantitative Science and Technology Research: The Use of Publication and Patent / Ed. by H. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Dordrecht, Kluwer Academic Publ., 2004. 800 pp.
109. Lazarev V.S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 2: Quality? // University Library at a New Stage of Social Communications Development. 2019. N 4. P. 37–42. DOI: https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187406. Retrieved from: <http://unilibnsd.diit.edu.ua/article/view/187406/189325>

References

1. Lazarev, V. S. (1996). On chaos in bibliometric terminology. *Scientometrics*, Vol. 35, no 2, pp. 271-277. DOI: 10.1007/BF02018485.
2. *Dictionary of Informatics Terms* / International Center for Scientific and Technical Information (1975) Moscow, 752 pp. (in Russian, with the applied lists of terms in 13 more languages).
3. Mikhailov, A.I., Chernuiy, A.I., Gilyarevskiy, R.S. (1976) *Scientific Communications and the Information Science*. Moscow, Nauka. 435 pp. (In Russ.)
4. Stolyarov, Yu. N. (2000). The essence of information. Moscow: GPNTB. 107 pp. (In Russ.)
5. *Dictionary of Library Terms* / Ed. by O.S. Chubar'yan. (1976) Moskva, Kniga Publ., 224 pp. (In Russ.)
6. Lazarev, V.S. (1997) Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment // *International Journal of Information Sciences for Decision Making*, no 1 (December), pp. 1–17. Retrieved from: https://isdms.univ-tln.fr/PDF/isdms1/isdms1a6_lazarev.pdf. Date of access: 20.10.2023.
7. Brokgauz – Efron, [Philosophical Dictionary: Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and the History of Philosophies] / Ed. by E.L. Radlov (1904). Sankt-Petersburg, 284 pp. (In Russ.)
8. *Encyclopedia Britannica* (1969). Chicago – London – Toronto – Geneva – Sydney – Tokyo – Manila, William Benton Publ., Vol. 18. 1011 pp.
9. *Dictionary of Political Economy* / Ed. by R.H.I. Inglis Palgrave (1901). MacMillan and Co., Ltd., London, Vol. III.

10. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged. Utilizing All the Experience and Resources of More than One Hundred Years of Merriam-Webster Dictionaries / Editor-in-Chief: Ph.B. Gove.* (1993) Cologne: Koneman.
11. *Websters's New Twenties Century Dictionary of the English Language. Unabridged. 2nd ed.* (1968) Cleveland and New York, The World Publ. Co.
12. *Philosophical Dictionary / Ed. by M.M. Rozental'* (1972) Moscow, Politizdat. 495 pp. (In Russ.)
13. Molas-Gallart, J., & Ràfols, I. (2018). Why bibliometric indicators break down: unstable parameters, incorrect models and irrelevant properties. *BiD: textos universitaris de biblioteconomia i documentació*. Vol. 40 (juny). Mode of access: <https://bid.ub.edu/en/40/molas.htm>. Date of access: 05.09.2023. DOI: <https://dx.doi.org/10.1344/BiD2018.40.22>.
14. Motylev, V. M. (1988). *Fundamentals of quantitative research in library theory and practice*. Leningrad: Nauka publ. 196 p. (In Russ.)
15. *Philosophical Encyclopedic Dictionary* (2000) Moscow, INFRA-Moskva Publ., 576 pp. (In Russ.)
16. Waltman, L., Traag, V.A. (2017) [Use of the journal impact factor for assessing individual articles need not be wrong](#). In: *Science, Technology and Innovation indicators: Conference Abstracts, STI 2017: Open indicators: innovation, participation and actor-based STI indicators, Paris 2017, 6-8 September 2017* [E-resource, on a USB flash drive].
17. Lazarev, V. S. (2017). Scientific documents and their ordered sets: citedness, use, value. *Mezhdunarodnyi forum po informatsii [International Forum on Information]*. Vol. 42, no. 1, pp. 3–16. (In Russ.). <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>. Date of access: 05.09.2023.
18. Martin, B.R., Irvine, J. (1983) Assessing basic research. Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy. *Research Policy*. Vol., 12, no. 2, pp. 61–90.
19. STI 2017: Presentations [E-resource]. Mode of access: <https://sti2017.ifris.org/conference-presentations/#is>. Date of access: 07.09.2023.
20. Waltman, L., Traag, V.A. (2021) Use of the journal impact factor for assessing individual articles: Statistically flawed or not? [Submitted on 7 Mar 2017 (v1), last revised 20 Feb 2021 (this version, v3)] [E-resource]. 36 pp. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1703.02334v3>. Date of access: 04.09. 2023.
21. Diodato, V. (1994) *Dictionary of Bibliometrics*. New York, Abingdon: Routledge.
22. Lazarev, V.S. (2019) Insufficient definitions or a vaguely grasped notion? On definitions of “impact”. *Scholarly Research and Information*. Vol. 2, no. 1, pp. 63–78. (In Russ.). DOI: [10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78](https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78).
23. Bornmann L. Is there currently a scientific revolution in scientometrics? *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65, no. 3, pp. 647–648. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.23073>
24. Motylev, V. M. (1983). Problems of the quantitative studies in librarianship. In: *Sokolov, A. V. (ed.) Problems of Technical Reequiptment of Libraries*. Leningrad: LSIC named after N. K. Krupskdya, pp. 55–69. (In Russ.).
25. Lazarev, V. S. (2020). Bibliometrics, scientometrics and informetrics. Part. 1. Emergence and background. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2, no. 4, pp. 133–163. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.6 (In Russ.)
26. Krulev, A.A. (2020) Citation as a form of science communication. *Scientific and Technical Libraries*, no. 3, pp. 79-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2020-3-79-92>
27. Lazarev, V.S. (2019) The property that is factually being evaluated when they say they evaluate impact. *Scholarly Research and Information*. 2019. Vol. 2, no. 2, pp. 129-138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138>

28. Lazarev, V.S. (2020) Citedness as a means of representation of value and quality of scientific documents, performance of scientists and the Nobel level of research / Ed. by Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm; Bouake; Varna; Tashkent. INIC Pub. House "Nobelistics". 64 pp. (In Russ.)
29. Zozulich, M. F., Vendeleva, M. A. (2008). Features of information resources management of an enterprise. *Economy and efficiency of the organization of production: collection of scientific works. Proceedings according to the results of the international scientific and technical conference, Vol. 9.* Bryansk. BSETA, pp. 230-233. (In Russ.)
30. Mirskaya, E. Z. (1976). Paradigm of assessment and formation of new knowledge. *Voprosy Filosofii [Issues of Philosophy]*, no. 5, pp. 119-130. (in Russian)
31. Inhaber, H., Przednowek, K. (1976) Quality of research and Nobel Prizes // *Social Studies of Science*. Vol. 6, no. 1, pp. 33–50. DOI: 10.1177/030631277600600102
32. Schoonbaert, D., Roelants, G. (1996) Citation analysis for measuring the value of scientific publications: quality assessment tool or comedy of errors? *Tropical Medicine & International Health*. Vol. 1, no. 6, pp. 739–752. DOI:10.1111/j.1365-3156.1996.tb00106.x
33. Minkina, V.A. (1983) Investigations of documentary flows for assessment the characteristics of value of technical literature; in: *Documentary Flows on Natural Sciences and Technology and Bibliographical Problems: Collected Papers*, Leningrad, 1983, pp. 111–122. (In Russ.)
34. Minkina, V.A., Rokitskaya, E.E. (1979) *Technical literature as a source of information: A textbook*. Leningrad, 67 pp. (In Russ.)
35. Uvarenko, A. R., Litkevich, O. I., Borisovets, L. F. (1980) Some criteria for determining the information value of primary publications in scientific journals // *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 1. [Scientific and technical information. Ser. 1.]* no 1, pp. 13–15. (In Russ.)
36. Egereva T. A. (1983) Information characteristics of technical literature as indicators of value properties; in: *Documentary Flows on Natural Sciences and Technology and Bibliographical Problems: Collected Papers*, Leningrad, pp. 122–137. (In Russ.)
37. Virgo, J. A. (1977) A statistical procedure for evaluating the importance of scientific papers, *Library Resources and Technical Service*, Vol. 47, no. 4, pp. 415-430.
38. *ISO 9000:2015(en): Quality management systems – Fundamentals and vocabulary*. [E-resource.] Mode of access: <https://www.iso.org/obp/ui#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en>. Date of access: 26.10. 2023.
39. *Quality management systems. The main provisions and vocabulary. STB ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). – Instead of STB ISO 9000-2006; introduced on 2016-03-01.* (2015) Minsk, Gosstandart; BelGISS, 2015. 54 pp. (In Russ.).
40. *Quality management systems. Basic provisions and vocabulary (as amended) GOST R ISO 9000-2015 (National Standard of the Russian Federation)* [E-resource]. Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>. Date of access: 16.10.2023. (In Russ.).
41. Significance. (S.a.). In: *Cambridge Dictionary*. [E-resource]. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/significance>. Date of access: 28.03.2023.
42. Garfield, E. (1970) Citation indexing for studying science. *Nature*. Vol. 227, no. 5259, pp. 669–671. – DOI: 10.1038/227669a0.
43. Garfield, E., Malin, M.E. (S.a.) *Can Nobel Prize winners be predicted? Paper presented at 135th Annual Meeting, American Association for the Advancement of Science, Dallas, Texas – December 26-31, 1968*. S.l., s.a. 8 pp. [E-resource]. Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/papers/nobelpredicted.pdf>. Date of access: 06.10.2023.
44. MacRoberts M.H., MacRoberts B.R. (1989) Problems of citation analysis: A critical review. *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 40, no. 5. Pp. 342–349. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(198909\)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(198909)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U)
45. Garfield, E. (1988) Can researchers bank on citation analysis? *Current Contents*. no. 44. P. 3–5. – Reprinted in: *Essays of an Information Scientist*. Philadelphia: ISI Press, 1988. V.

11. P. 354–356. Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/essays/v11p354y1988.pdf>. Date of access: 06.10.2023.
46. Garfield E. (2003) Quality of impact factors of general medical journals – PRAVDA wins hands down <Unpublished note submitted to British Medical Journal on February 19, 2003> Mode of access: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/bmjfeb192003.html>. Date of access: 03.10.2023.
47. Garfield, E. (1972). Citation analysis as a tool in journal evaluation: journals can be ranked by frequency and impact of citations for science policy studies. *Science*, Vol. 178, no. 4060, pp. 471–479. DOI:10.1126/science.178.4060.471. Reprinted in: *Essays of an Information Scientist*, Philadelphia: ISI Press, 1977. Vol. 1, pp. 527–544.
48. Garfield, E. (1976) Significant journals of science. *Nature*. 1976. Vol. 264, no. 5587. Pp. 609–615. DOI: 10.1038/264609a0.
49. Garfield, E. (1955). Citation Indexes for science: a new dimension in documentation through association of ideas. *Science*, vol. 122, no. 3159, pp. 108–111. DOI:10.1126/science.122.3159.108
50. Gross, P.L.K., Gross, E.M. (1927) College libraries and chemical education. *Science*. 1927. Vol. 66, no. 1713, pp. 385–389.
51. Madhugiri, V. S., Ambekar, S., Strom, S. F., & Nanda, A. (2013). A technique to identify core journals for neurosurgery using citation scatter analysis and the Bradford distribution across neurosurgery journals. *Journal of Neurosurgery*, Vol. 119, no. 5, pp. 1274–1287. DOI:10.3171/2013.8.jns122379
52. Kondziolka, D. (2013) Core journals. *Journal of Neurosurgery*. Vol. 119, no. 5, pp. 1271–1272.
53. Stolyarov, Yu. N. (2013) *Documentology: textbook*. Orel, Gorizont Publ. 370 pp. (In Russ.).
54. Konkiel, S. (2013) Altmetrics: A 21st-century solution to determining research quality. *Online Searcher*. Vol. 37, no. 4 (July/August 2013 issue) <https://www.infotoday.com/OnlineSearcher/Articles/Features/Altmetrics-A-stCentury-Solution-to-Determining-Research-Quality-90551.shtml> Date of access: 01.09.2023.
55. Gilbert, G.N. (1977) Referencing as persuasion. *Social Studies of Science*, vol. 7, no. 1, pp. 113–122. DOI:10.1177/030631277700700112
56. Ion, E. (1974) Some theoretical problems of aesthetic education. In: *Modern Progressive Aesthetic Thought / Ed. by M.F. Ovsyannikov et al.* Moscow, Nauka Publ., pp. 35–55.
57. Rytvinskii, S.S. (1980) The importance of the citation of scientific papers in assessing their quality. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. I. [Scientific and technical information. Ser. I.]*, no 11, pp. 27–29. (in Russ.)
58. Lawani, S.M., Bayer, A.E. (1983) Validity of citation criterion for assessing of scientific publication: new evidence with peer assessing. *Journal of American Society for Information Science*. Vol. 34, no. 1, pp. 59–66. DOI:10.1002/asi.4630340109.
59. Lazarev, V.S. (2018) *Nobel Class Citedness Level and the Notions that Designate Characteristics and Properties of Cited Scientific Documents*. Ed. by V.M. Tyutyunnik. Tambov – Moscow – St.-Petersburg – Baku – Vienna – Hamburg – Stockholm – Bouake, 70 pp. (In Russ.)
60. Priem, J., Hemminger, B.M. (2010) Scientometrics 2.0: Toward new metrics of scholarly impact on the social Web. // *First Monday*. Vol. 15, no. 7 (5 July 2010). Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/2874/2570>. Date of access: 04.09.2023.
61. Teplitskiy, M., Bakanic, V. (2016). Do peer reviews predict impact? Evidence from the American Sociological Review, 1978 to 1982. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, Vol. 2, 237802311664027. DOI: 10.1177/2378023116640278

62. Voverene, O. (1976) Evaluation of the functional efficiency of information support systems of research institutes and design bureaus. *Proceedings of the Information Scientists of Lithuania*. Vilnius, LithSRISTI, pp. 35-47. (In Russ.)
63. Kirilenko, G.G., Shevtsov, E.V. (2002) *Philosophical Dictionary: Student's Handbook*. Moscow: "SLOVO" Philological Society, AST Publ., 704 pp. (In Russ.)
64. Checking the word: meaning. In: *Reference and Information Portal GRAMOTA. RU – Russian for everyone*. Mode of access: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&all=x>. Date of access: 23.10.2023. (In Russ.)
65. ZNACHENIE [Meaning]. In: *Ozhegov's Explanatory Dictionary* [E-resource]. Mode of access: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9286>. Date of access: 23.10.2023. (In Russ.)
66. Herzena.ru – electronic dictionaries of the Russian language (Electronic resource). Mode of access: <https://herzena.ru/>. Date of access: 10.10.2023. (In Russ.)
67. Gufo.me (Electronic resource). Mode of access: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0>. Date of access: 10.10.2023. (In Russ.)
68. Dmitriev's Explanatory Dictionary (Electronic resource). Mode of access: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4046/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9b>. Date of access: 10.10.2023. (In Russ.)
69. Fokeev, V. A. (2008) *Bibliographic Science and Practice: Terminology dictionary / Ed. by G.V. Mikheeva*. Sankt-Peterburg: Professiya Publ., 272 pp. (In Russ.)
70. *Library Stock: Dictionary-Reference / Compiled by E.I. Ratnikova, N.Z. Starodubova, L.M. Tolchinskaya ; Edited by Yu.N. Stolyarov* (2018). Moscow, INFRA-M, 160 pp. (In Russ.)
71. Zhdanova G.S., Kolobrodova E.S., Polushkin V.A., Cherny A.I. (1971) *Dictionary of Terms in Information Science in Russian and English*. Moscow: Nauka Publ., 359 pp. (In Russ.)
72. Motylev V. M. (1985) The content and correlation of the notions "indicator" and "criterion". *Sovetskoe bibliotekovedenie [Soviet Librarianship]* no 1, pp. 14–23.
73. Lazarev, V.S. (2018) Is it right to consider the level of citations to scientific paper as the indicator of their quality. In: *Scientometrics: Methodology, Bibliometric Tools, Practical Application. Collection of scientific articles*. Minsk, Belaruskya navuka Pub., pp. 88–103. (In Russian)
74. Nicolaisen, J. (2007) Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*. Vol. 41, no.1, pp. 609-641. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410120.
75. Bredikhin, S.V., Kuznetsov, A.Yu., Shcherbakova, N.G. (2013) *Citation Analysis in Bibliometrics*. Novosibirsk, 344 pp. (In Russ.)
76. Lazarev, V.S., Gordienko, G.P., Karas', G.A., Yunusova, D.A., Nasonova, T.N. (1993) Towards the methodology of rapid evaluation of scientific activity of research institutions. In: *Problems of Bibliography and Library Science: An Interdepartmental Collection*. Minsk, Universitetskoe Publ., issue 14, pp. 16–27. (In Russ.)
77. Lazarev, V.S. (1999) Citation analysis in the context of nobelistics: citedness figures (An essay of a bibliometrician). In: *Nobel studies. Science studies. Information Science: Materials of the 5th International Meeting-Conference of Nobel Prize Laureates and Nobel Issues Researchers; 5th International (7th Tambov) Scientific conference "Information Science and Science Studies"*, Tambov, November 17-20, 1998. Tambov, TSU Publ., INIC Publ., pp. 7–18.
78. *Library stocks / Ed. by Yu. N. Stolyarov and E. P. Aref'eva* (1979). Moskva, Kniga Publ., 295 pp. (In Russ.)
79. Stolyarov, Yu.N. (2015) *Library stock: textbook*. Saint Petersburg, Professiya Publ., 384 pp. (In Russ.)

80. Kurtz, M.J., Bollen, J. (2010) Usage bibliometrics. *Annual Review of Information Science and Technology*. Vol. 44, issue 1, pp. 3–64. DOI: 10.1002/aris.2010.1440440108.
81. Tyshkevich, N.I., Sizov, B.I., Dmitrienko, I.M. (1972) On the principles of centralized accounting of the use and distribution of funds for the purchase of periodicals and ways of its implementation // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. [Scientific and technical information, Ser.1]*. no 2, pp. 3–10. (in Russ)
82. Shuleikin, N.M., Makhotenko, Yu. A., Novikova, L.S. (1979) Statistical study of the effectiveness of the use of library stocks. *Nauchnye i tehnikheskie biblioteki SSSR [Scientific and Technical Libraries of the USSR]*. Issue. 9 (91). Pp. 17–21. (in Russ)
83. Poll, R., Boekhorst P. te (2002) Measuring Quality. International Guidelines for Performance Measurement in Academic Libraries / IFLA Section for University Libraries & Other General Research Libraries. IFLA Publications 76. Moscow, Logos Publ. 151 pp. (In Russ.)
84. *Librarianship: Terminological Dictionary* (1997) / Russian State Library. Moscow, 167 pp. (In Russ.)
85. *Altmetrics: A Manifesto* [Electronic resource]. Mode of access: <http://altmetrics.org/manifesto/>. Date of access: 12.10.2023.
86. Sokolov, A.V., Fedorova, N.S. (1969) Investigation of the effectiveness of the automated system of selective distribution of information // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2. [Scientific and technical information. Ser. 2.]* 1969, no. 11. pp. 22–27. (in Russ.)
87. Wenger, Ch. B., Childress, J. (1977) Journal evaluation in a large research library. *Journal of American Society for Information Science*, Vol. 28, no. 5, pp. 293–299. DOI: 10.1002/asi.4630280509.
88. *Librarianship: Terminological Dictionary*. (1986) Moskva, Kniga Publ., 223 pp. (in Russ.)
89. Stolyarov, Yu.N. (2015) Formation of the Library Fund: a Practical Guide / MSUCA. Sankt-Peterburg, Professiya Publ., 508 pp. (In Russ.)
90. Gaeva, R.L., Baunov, A.M. (1978) Determination of the informational value of some periodicals and continuous publications on some issues of petrochemical synthesis // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. [Scientific and technical information. Ser. 1.]*, no. 8, pp. 20–22.
91. Lazarev, V.S. (1989) Readers addressing to scientific periodicals as an indicator of periodicals thematic orientation, In: *Methodological Problems of Medical Information Science and the Science of Science in Medicine: Collected Papers*, Moscow, p. 173-186 (In Russ.)
92. Stolyarov, Yu.N. (1991) *Library stock: textbook*. Moskva: Knizhnaya palata Publ., 271 pp. (In Russ.)
93. Importance Definition, In: *Yourdictionary [E-resource]*. Mode of access: <https://www.yourdictionary.com/importance>. Date of access: 27.10.2023.
94. Important Definition, In: *Yourdictionary [E-resource]*. Mode of access: <https://www.yourdictionary.com/important>. Date of access: 27.10.2023.
95. Important, In: *Cambridge Dictionary*. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/important>. Date of access: 27.10.2023.
96. van Raan, A. F. J. (1998). In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much. *Scientometrics*, vol. 43, no. 1, pp. 129–139. DOI: 10.1007/BF02458401
97. Gilyarevskii, R. S. (2014). Publication activity as an indicator of scientific achievements. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. [Scientific and technical information. Ser. 1.]* No. 8. P. 1–9. (In Russ.)
98. Bornmann, L., Daniel, H.-D. (2008). What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior. *Journal of Documentation*, Vol. 64, no. 1, pp. 45–80.

99. Jha, R., Jbara, A.-A., Qazvinian, V., Radev, D. R. (2017). NLP-driven citation analysis for scientometrics. *Natural Language Engineering*, vol. 23, no. 1, pp. 93–130. DOI: 10.1017/S1351324915000443

100. Tahamtan, I., Bornmann, L. (2019). What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018. *Scientometrics*, vol.121, no. 3, pp. 1635–1684. DOI:10.1007/s11192-019-03243-4

101. Meaning of the word “use” // KARTASLOV.RU — Map of words and expressions of the Russian language [E-resource]. Mode of access: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>. Date of access: 20.10.2023.

102. Pislyakov V. V. (2008) Informetric modeling of the process of accessing electronic information resources. Dissertation for the degree of Candidate of Physical and Mathematical Sciences / Kazan State University et al.. Kazan', 155 pp. (In Russ.)

103. Use. (S.a.). In: *Cambridge Dictionary*. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/>. Date of access: 20.10.2023.

104. Lazarev, V.S. (2019) On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 1: Value. *University Library at a New Stage of Social Communications Development*, no. 4, pp. 28–36. DOI: https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187405. – Mode of access: <http://unilibnsd.diit.edu.ua/article/view/187405/189295>. Date of access: 26.10.2023.

105. Vinkler, P. (1998). Comparative investigation of frequency and strength of motives toward referencing, the reference threshold model- comments on theories of citation? *Scientometrics*, vol. 43, no. 1, pp. 107-127. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02458400>

106. Brooks, T. A. (1985) Private acts and public objects: An investigation of citer motivations. *Journal of American Society for Information Science*. Vol. 36, no 4, pp. 223–229.

107. Brooks, T. A. (1986) Evidence of complex citer motivations. *Journal of American Society for Information Science*. Vol. 37, no 1, pp. 34–36.

108. *Handbook of Quantitative Science and Technology Research: The Use of Publication and Patent* / Ed. by H. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch (2004) Dordrecht, Kluwer Academic Publ., 800 pp.

109. Lazarev, V.S. (2019) On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 2: Quality? *University Library at a New Stage of Social Communications Development*, no. 4, pp. 37–42. – DOI: https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187406. – Retrieved from: <http://unilibnsd.diit.edu.ua/article/view/187406/189325>